

РАЗВЕНЧАННЫЙ ТИБЕТ

Дневники К.Н.Рябина,
доктора Буддийской Миссии в Тибет *

Предлагаемые читателю фрагменты дневников, повествующих о Центральноазиатской экспедиции Н.К.Рериха, — событие неординарное как для научного мира, так и для культурной общественности России. Впервые публикуются части научной монографии, составленной на основе авторских дневников врачом экспедиции Константином Николаевичем Рябиным. Событие это готовилось три года, с того момента, когда в 1992 году были обнаружены автографы.

Доктор К.Н.Рябинин присоединился к экспедиции в Урге и провел в пустынной Гоби и на перевалах Тибета более года — самый драматический этап Трансгималайского путешествия. Осенью 1927 года караван был задержан тибетскими властями на подступах к священной Лхасе и пять месяцев находился в снежном плену высоко в горах, на плато Чантанг, оказавшись на грани гибели...

Об этом периоде Центральноазиатской экспедиции широко известно из ранее опубликованных книг, появившихся сначала в 30-е годы на английском языке и в наше время — двумя изданиями на русском: Н.К.Рерих «Алтай — Гималаи» (1974, 1992) и Ю.Н.Рерих «По тропам Срединной Азии» (1982, 1994). Однако, мало кто подозревает, что в путевых дневниках Н.К.Рериха и его сына, востоковеда Ю.Н.Рериха, увидевших свет практически сразу же по завершении экспедиции, за кулисами остались события, которые являлись сокровенным смыслом одного из несравненных по трудности в истории путешествий. В дневниках доктора К.Н.Рябина эта экспедиция озаглавлена как «Буддийская Миссия в Тибет». Сказать, что в ее задачи входили научно-художественные цели по сбору и изучению древних рукописей, скульптуры, памятников буддийского искусства и тибетской медицины — это означало бы сказать только половину правды. Сегодня стало возможным иное прочтение известных источников, рассказывающих об экспедиции.

Цель экспедиции, которую, действительно, можно назвать Буддийской Миссией Н.К.Рериха, состояла в достижении сердца буддийского мира — Лхасы. Рерих шел в Лхасу как «Представитель Западных Буддистов», более того, это и

---

* Публикация Б.С.Старостина и А.Г.Топчиева

был глава западных буддистов. Он намеревался встретиться с Далай-Ламой XIII в его резиденции и поставить перед верховным владыкой Тибета вопрос о равноправном сосуществовании учения Будды как на Востоке, так и на Западе. Встреча не состоялась. 24 ноября 1927 года в Америке прошел «Собор Западных Буддистов и избрал Владыку Учения на Западе». Драматизм этого ошеломляющего события просто непостижим и мало укладывается в рамки обычного человеческого мышления. Ведь шла речь о Далай-Ламе, который водворится в новой столице буддийского западного мира. Будет это Нью-Йорк или Звенигород — не столь уж важно. Уйдет ли учение Будды с поднебесных высот Азии в низинные просторы Запада или останется в Тибете — таково содержание «ультиматума», предназначенного иерархам Поталы. Пророчества предрекали падение нравственного закона, завещанного Буддой. Пророчества оправдались — буддизм ушел на Запад. События в Тибете конца 50-х годов вынудили XIV-го Владыку Лхасы к изгнанию.

Книга «Развенчанный Тибет» — это свидетельство завещанных пророчеств, документ эпохи, который вдумчивому исследователю только еще предстоит глубоко изучить и непредвзято осмыслить. Дневники доктора Рябинина представляют собой 11 тетрадей рукописного текста. В виде отдельной книги материалы подготовлены к печати нынешним послом России в Непале А.М.Кадакиным.

Москва,
21.XII.1995

Б.С.Старостин

ИЗ ПИСЬМА В АМЕРИКУ

Отдавая этот дневник для издания, прежде всего должен сказать, что все, в нем описанное, отвечает действительности — это человеческий документ наших мыслей и переживаний во время длительного и подчас полного тяжелых испытаний путешествия в страну снегов и высоких горных хребтов, в мало кому еще известный до сих пор Тибет. Некоторые места, которыми мы прошли, доступны только в известное время года. Шли мы не всегда обычно принятыми и безопасными путями, спасаясь и от остатков шаяк Дже-ламы ночными переходами, и от панагов и голоков. Только пройдя хребет Тан-ла, вступили в область дикого, но мирного пастушеского племени хоров, оставив к востоку земледельческую область Тибета, населенную племенами К'ам.

Некоторые страницы дневника о «Гималайском Братстве», или запретной области «Шамбалы», о легендарном, но действительно существующем метеорите, называемом «Сокровище мира» или «Чинтама-

ни», могут показаться просвещенному читателю, не вникавшему глубоко в литературу этого вопроса или просто не имевшему ее под рукой, если не вымыслом, то просто суеверием. Но прошу принять во внимание, что автор дневника переступил уже пятидесятилетний возраст, вооружен естественно-научными и медицинскими познаниями, известен рационалистическими воззрениями и основывается не только на литературных данных вопроса, но и на тех фактах, свидетелем которых ему приходилось быть.

В третьей книге Учителя Востока* на страницах 242 и 202 говорится: «Географ может успокоиться, мы занимаем на земле определенное место. Неудовлетворенный общинник может утвердиться в сознании практического существования Общины». И еще: «Вы уже слышали от достоверных путешественников, как проводники отказываются вести в некоторых направлениях. Скорее они дадут убить себя, нежели поведут вперед. Так и есть. Проводники психологизированы нами. Но если неосторожный путник все-таки пойдет вперед, перед ним загремит горный обвал. Если путник осилит это препятствие, то дождь щебня унесет его, ибо нежеланный в Общину не дойдет. Обрушьте горы на защиту Общины!» Во второй книге того же Учителя Востока** на страницах 209 и 35 читаем нижеследующие строки: «Почему же трудно принять, что группа, получившая знания путем упорного труда, может объединиться во имя Общего Блага? Опытное знание помогло найти удобное место, где токи позволяют легче общаться в разных направлениях. Вы, конечно, слышали рассказы путешественников о нахождении в пещерах неизвестных йогов. Если вы продолжите этот факт в направлении обширного действенного знания, вы легко дойдете до ощущения группы Учителей Знания. Как же найти путь к Нашим Лабораториям? Без зова никто не дойдет. Без проводника никто не пройдет!»

На странице 218 второй книги встречаем указание на средства защиты «Братства»: «Остается послать на нас карательную экспедицию, но она не пройдет, ибо владеем некоторыми научными средствами. О газах, хотя в эту книгу не вошло. Я уже называл несколько мощных составов».

Многое и многое считают баснословием или выдумкой только потому, что не желают иногда или не могут почему-либо серьезно познакомиться с вопросом. Но ведь такая простая вещь, как популярное изложение учения о воле недавно умершего Куэ, тоже кому-то, не знако-

---

* Община. Улан-Батор, 1927.

** Листы Сада Мории. Т. II («Озарение»). 1925.

тому с вопросами психологии, может показаться странной фантазией. Или вопрос о передаче мыслей на расстояние в русской и иностранной литературе, или вопросы о нервной системе растений в работах проф. Дж. Боше* из Калькутты? А вопросы о новейших ядовитых газах и свойствах различного вида энергии; разве не вызывают они недоумения? Вспомним, как приняты были в разное время Французской Академией изобретение и демонстрация сконструированного Эдисоном** фонографа (Буайе) и вопрос о применении пара при устройстве железной дороги (Араго***).

Вспомните невзгоды Г.Галилея, Н.Коперника, И.Ньютона, близкого нам Д.И.Менделеева и многих-многих известных и неизвестных, исчезнувших имен людей, принесших миру новые открытия и мужественно отстаивавших действительность в противовес затхло́й рутине заплевневшей и косной мысли.

Неужели человеческая просвещенная мысль не может вместить, что где-то в области Гималаев группа ученых могла устроить приют знания с книгохранилищами и разнообразными лабораториями, и что эти ученые, пользуясь особенностями географического и физического местоположения и реальными накоплениями опыта веков, обладают в настоящее время величайшими знаниями?

А что необычно труден доступ туда, то это легко представить, если принять во внимание, что часто доступ в лаборатории отдельных ученых или научных обществ и учреждений, даже находящихся вблизи крупных центров, вовсе не так легко для незваных и любопытных взоров.

Знаем ли мы факты появления членов Гималайской Ученой Общины за ее пределами в европейских странах? Да, конечно, знаем, имея об этом достоверные свидетельства. Знаем ли мы письма и трактаты этих Ученых? Также знаем. И можно ли себе представить, что где-то вдали от сутолоки больших городов, среди полной обычности и безответственной рутины творятся большие начинания в интересах мирового блага и в масштабе легендарности? Да, это возможно себе представить, когда видишь бесконечные просторы и высоты гор, не охваченные еще рабски подчиненным мышлением. Сколько приходилось встречать и в книгах, и

---

* Дж.Ч.Боше (Bose) (1858-1937) — индийский ученый-биофизик и изобретатель.

** Томас Алва Эдисон (1847-1931) — американский изобретатель в области электротехники и предприниматель.

*** Доминик Франсуа Араго (1786-1853) — французский ученый (магнетизм электротока) и политический деятель.

в жизни заостренных, неподвижных рутинных утверждений. Ведь еще недавно сказали бы, например, что гром гремит потому, что тучи сталкиваются, или что облака резко рассекаются молнией и потому происходит колебание слоев воздуха и звук грома, не отдавая себе отчета во всем происходящем в действительности обширном физико-химическом процессе. Многие в то же время не хотят обычно дать себе отчета в том, сколько производится лабораторных изысканий и опытов на благо и во имя эволюции человечества без опубликования результатов.

Меркантильно спешащий в жизни человек наклеивает для самоуспокоения на все для него неизвестное или необычное ярлык фантастического или «сверхъестественного», оставляя часто в области естественного лишь свой желудок.

Названия местностей записывались в дневнике так, как они произносятся на месте, а не так, как это попадало иногда на карты.

Конечно, вы понимаете, что за это время в нашей жизни происходило и много такого, разумеется, не политического и не этнографического характера, опубликование чего было бы пока несвоевременным, и что может появиться в печати лишь впоследствии. Можно твердо и определенно утверждать, что все наши переживания за этот долгий период тяжелого пути были чужды какой-либо эмоциональности, наоборот, были проникнуты рационализмом, проистекавшим из знания и наблюдения лишь действительности.

Именно во имя этой пережитой нами реальной действительности я и передаю вам настоящую рукопись.

Д-р К.Н.Рябинин

ВСТУПЛЕНИЕ

Впервые с Н.К.Рерихом мы встретились в 1898 году. В то время Н.К., уже известный художник, ученый-археолог и администратор, жил в том же столичном городе мирового значения, где и я. Общность интересов по изучению трудных и малодоступных для понимания широкими массами областей человеческого духа сблизили нас. Уже и тогда самоуглубленная и самобытная деятельность Н.К. вызывала ряд противоречивых суждений в литературе. Помню, как А.Н.Бенуа называл в «Речи» художественный успех Н.К. барсовыми прыжками. Леонид

Андреев сравнивал тогда творчество Н.К. с северным сиянием. М.Горький называл его величайшим интуитивистом нашего времени. С улыбкой вспоминаю, что покойный А.И.Куинджи, как мне передавали, выслушав каких-то недоброжелателей Н.К., усмехнувшись, сказал: «В вашем рвении вы и не заметили, как сделали его и вездесущим, и всемогущим». Отрывочно и случайно до меня доходили отдельные отзвуки из иностранной литературы. В «La vie Des Peuples» Леонид Андреев в своей статье о творчестве гениального художника замечает: «Невозможно не удивляться Рериху. Нельзя пройти мимо его драгоценных полотен, не испытав глубокого волнения. Картины Рериха преисполнены странного очарования. Путь Рериха — путь славы. Гениальное воображение Рериха граничит с ясновидением. Лувр и Музей Сан-Франциско, Москва и вечный Рим уже сделались верными хранилищами его творений. Европа в целом, столь предубежденная против Востока, уже выплатила великому русскому Мастеру свою дань восхищения. Самобытный гений этого художника не имеет себе подобного».

С.Уитмэн, оценивая международное значение последних работ Рериха, говорит в «The Foreword» (1925): «Мы, которые ищем пути интернационального понимания и строительства общечеловеческого мира, должны рассматривать Рериха как великого апостола и провозвестника этого нового мира для всех народов».

Творчество Рериха возвышается независимо, как самодовлеющая твердыня. В характеристике творчества Рериха Рабиндранат Тагор отметил эту особенность: «Ваше искусство независимо, ибо оно велико». Не перечить мне здесь всех творений Рериха, но я хочу лишь упомянуть о его провидческих произведениях перед Великой Европейской войной. В 1912 году появилась его картина «Грозный всадник», а в следующем «Меч мужества» и «Дела человеческие», а в 1914 году знаменательная для Петрограда картина «Град обреченный». Индия на холстах Н.К.Рериха нашла себе восторженную оценку художника Д.Бурлюка на страницах издающегося в Нью-Йорке «Русского голоса» (Воскресное приложение, 23 ноября 1924).

Живя в России, в Петербурге, я время от времени делился с Н.К. и его супругой Е.И. (Еленой Ивановной Рерих — ред.) некоторыми своими мыслями и экспериментальными достижениями в области духа. Исключительный интерес к этим опытам и нашему обмену мыслями, проявлявшийся с их стороны, и понимание ими моих духовных запросов создали и укрепили нашу духовную близость. Помню, в то время мы

много беседовали о великих достижениях духа в Индии, об Учителях Востока, глубина мыслей и учения которых свидетельствовали о величайших познаниях духа, собранных и хранящихся в тайниках отдельных центров посвящения, главным образом, в Гималайском Братстве, существующем, по преданию, с давних времен. Последний центр был для нас всегда источником непреложного знания и истины. Пути туда мы полагали тогда проложить через Индию. Петербург за время европейской войны успел превратиться в Петроград. Наступила февральская революция 1917 года. Еще в декабре месяце 1916 года Н.К. неожиданно для меня и по не известным мне мотивам выехал в Финляндию, как я думал, просто для приискания дачи, но это оказалось уже началом того длительного путешествия, о котором я знаю теперь.

Я же спокойно остался в Петрограде, не боясь перемен, продолжая трудиться, ожидая коренных изменений и улучшения жизни. Прошли еще долгие годы, во время которых я не раскаивался, что остался в России, так как они по-прежнему текли в труде на общую пользу, но часто я вспоминал о Н.К. и наших беседах. Он же в это время успел объехать весь мир и стал известен как мировая величина. Я же все время оставался все в том же городе, но теперь уже городе великого мыслителя В.И.Ленина — Ленинграде.

И вот в июне 1926 года пришло первое известие о том, что Н.К. возвратился, что он в Москве, но что вскоре, по выполнении какой-то миссии чрезвычайного значения, возложенной на него Востоком, опять уедет. Увидеться на этот раз нам так и не удалось. Спустя полгода, неожиданно для меня, пришла из Урги* (Монголия) телеграмма с приглашением присоединиться к Миссии Н.К., срочно направлявшейся через Монголию в Тибет, страну, запретную для европейцев. Несмотря на обремененность служебными и личными делами, я не устоял перед такой возможностью, в несколько дней собрался и выехал в Ургу через всю Сибирь до Верхнеудинска, а затем на автомобиле через Троицко-Савск, Кяхту и пограничный пункт Алтан-Булак, в Монголию. По пути, еще в Москве, я присоединился к американцам, друзьям и сотрудникам Н.К.Рериха, спешившим из далекой Америки с прощальным приветом в Ургу.

После десятилетнего перерыва со времени нашей последней памятной встречи внимательно всматривался по приезду во все перемены, происшедшие за этот долгий срок в Н.К. и Е.И. Где побывали они? Кого за это время встретили? И что означают названия мест и имена людей разных стран, мелькающие в их речи?

---

* название столицы Монголии г. Улан-Батора до 1924 г.

Оказалось, что в Урге Н.К. находился с сентября 1926 года, занимаясь искусством, готовя в то же время к печати свои труды и собираясь в новый далекий путь по зову и указу Великих Учителей Востока, предначертавших мудрый план оздоровления нашей планеты путем нового мирового строительства. Прибавлю здесь, что многогранный жизненный опыт Н.К. и его знания создали ему славу Учителя жизни. Мне известно, что еще в России к нему стекались с разных концов самые разнообразные люди за советом и разрешением своих жизненных вопросов. Многочисленные ученики его и друзья всегда находили у него поддержку и мудрый совет. Мне припоминается из «Путей Благословения» статья Н.К. «Похвала врагам», указывающая на его терпимое и благодушное отношение даже к врагам, являющееся залогом истинного строительства.

Теперь перехожу к повседневному изложению нашего пути, тем более, что он намечен по дороге, очень редко посещаемой и до сих пор в литературе путешествий мало отмеченной.

ДНЕВНИК, 1927

I. УРГА — ЮМ-БЕЙСЕ

9/IV. Сборы. Видение ламы. Владыка Шамбалы.

Закончено знамя Майтрейи! Цель Миссии, посвященной основам истинного буддизма, первой в истории без переодеваний и утаивания, волнует своей значительностью. Спешно заканчиваем сборы Миссии, отправляющейся из Урги (Монголия) на юго-запад. Выезд намечен на 15 апреля, но надо спешить — тают в Гоби движущиеся пески; предупреждают об этом из Торгпредства СССР, у которого заарендованы автомобили. Решаем выехать 13 апреля, т.е. ранее назначенного срока. Получена каблограмма* из Нью-Йорка, сообщающая о появившейся в «New York Times» пространной телеграмме из Москвы о поручении Н.К. экспедиции в Тибет из Академии Наук. Немедленно каблограммой мы восстановили истину, сообщив, что экспедиция имеет отношение только к американским учреждениям. Как выяснилось, «Times» не поместила последней достоверной версии. Поместили ее три или четыре другие нью-йоркские газеты. Слышно, что это уже вторая странная выходка со стороны «Times». Откуда это?

---

* от «cable» (англ.) — телеграмма

Явился представитель монгольского правительства Ц.Ж.,* который, упоминая о великих наступающих временах, сообщил, что в августе месяце прошлого года, перед приездом Н.К. в Ургу, один монгольский лама имел видение. Головы монгольского народа были обращены на Запад; как вдруг с Запада появился Всадник на гигантском коне, который повернул все головы на юго-восток.

Тут же Ц.Ж. была обращена просьба от имени монгольского правительства о составлении проекта постройки храма-музея — хранилища картины «Владыка Шамбалы», в виде Великого Всадника, подаренной Н.К. монгольскому правительству. Там же будут находиться и другие особо почитаемые предметы. Обратим внимание на видение ламы и сущность названной картины. Он же передал просьбу ЦК Монгольской народной партии о разрешении перевода на монгольский язык книг «Основы буддизма»** и «Община». И многозначительно, и необычно!

13/IV. День отъезда и волнений.

Вчера тибетский доньер*** принес паспорта, какие он обычно выдает паломникам, и особое письмо Далай-Ламе, которые и передал Н.К. в присутствии американцев, а также и свои символические благопожелания. Будем надеяться, что они глубоко искренни. Н.К. подарил ему шелковую монгольскую шубу и кусок старинной парчи.

Сегодня день отъезда и волнений, начавшихся с утра с окончательной погрузки снаряжения на автомобили. В 10ч. утра, когда уже выехал первый из пяти путевых автомобилей за ворота, вдруг оказалось, что Торгпредство, отпустившее автомобили, не позаботилось запастись номерами для них и пропусками. Новые хлопоты, поездки по учреждениям, грозящие затянуться на неопределенный срок, до нескольких суток. Но в самый критический момент получена многозначительная телеграмма, и все отношение служащих резко изменилось в сторону угодливости; все мрачные затяжки дела рассеялись, как дым.

Для проводов выехали представители монгольского правительства и американских организаций; провожали за 20 верст, не доезжая ветери-

---

* Цэбэн Жамцарано (ум. в 1941), крупнейший ученый Монголии, один из организаторов Ученого комитета (Академии наук МНР).

** Н.Рокотова (Рерих Е.И.). Основы буддизма. Улан-Батор, 1926.

*** специальный консул, в обязанности которого входило представлять тибетское правительство; современное значение слова «доньер» — курьер, посыльный.

нарного пункта. В 8ч. вечера — первая остановка в живописной местности в долине реки Толы, после ветеринарной стоянки Сенген, на фоне близких гор. Ночь холодная. Прошли 22 английских мили.

14/IV. Плохие машины.

Встали около 6ч. утра; день обещает быть жарким, солнечным. В 8ч. 30м. вышли дальше. Пролетели «турпаны» — дикие утки. Н.К. вспоминает, что несколько лет назад было сказано о Миссии высоким лицом Востока: «Ковры Азии стелются для вас; пойдем так тихо, что птица турпан не услышит». Машины дали старые и неисправные. Вчера еще, через несколько миль хода, выяснилась неисправность карбюратора нашей машины. Сегодня у другого автомобиля отскочила шпонка. Шофер У. что-то записывает еще со вчерашнего дня в свою книжечку. Повидимому, отмечает наши разговоры, и мы, шутя, охотно предоставляем ему материал для записи. Пусть покажет свою наблюдательность и усердие. Сегодня у него сломалось крыло автомобиля. Утром, во время испытания на остановке в пути винтовок, У. снова вынул книжечку и записал что-то. Он, по отзыву других шоферов, «старший» и послан как «доверенное лицо». Передали это с опаской, осторожно. Записывая демонстративно в книжечку свои соображения во время стрельбы, У. бормочет: «Ну и стреляйте!» Оказалось, что из пяти шоферов дорогу знает кое-как только один Ч. Сегодня друзья-американцы предполагали вылететь из Урги и быть около 11ч. утра в Верхнеудинске. Завтра другой друг ожидается в Тиен-Цзине. Шоферы оказались плохи, не лучше старых, изношенных машин, все время портящихся. До 2ч. 30м. пополудни прошли всего лишь 18 миль по хорошей дороге, т.е. со скоростью верблюда. Развязались вещи на машине шофера Ю. из-за плохой погрузки. При отъезде представитель учреждения, отпустившего нас машины, просил сообщить ему после об условиях пройденного пути. В 4ч. 30м. сломалась полуось у автомобиля Ч. Поднялся холодный ветер, небо обложено снеговыми тучами. В 7ч. вечера опять остановка из-за неисправности карбюратора. За день прошли 40 английских миль, т.е. всего 60 верст, а в два дня 62 английские мили или 93 версты. Не стоит ехать при такой медлительности на подобных автомобилях, да еще за крупную плату. Прибыли на остановку в начале 9ч. вечера.

23/IV. Потеря пути. Озеро Боро-нор. Дикае гуси.

11-й день пути. Вчерашняя наша справка о паспортах пришла в воемя — сегодня утром сообщено, что у старшего шофера У. потерялся чемоданчик, в котором находились, по вчерашней версии, остатки еды и ложка, а сегодня оказывается, что этот же чемоданчик скрывал в себе паспорта, но, конечно, надо думать, без того разрешения, о котором мы спрашивали и которое требуется монгольскими властями. Выехали в 8ч. 45м. утра, погода хорошая. Вскоре у З. лопнула шина — произошла общая остановка в течение часа. Продолжаем ехать сначала верблюжьей тропой по песчаным местам, часто «заседаю» в песке. 1ч. 25м. — проехали 14 миль, пересекая много «песчаных речек». Вдруг оказалось, что сбились с пути — проводник не знает больше направления — тропа потеряна. После блуждания вверх и вниз по откосам, встретили монгола, тогда только выяснилось, что идем по ложному пути. Потерян почти целый день. В блужданиях прошли 26 миль. Только после этого пошли по указанному монголом верному направлению на Юм-бейсе и вскоре выехали на хорошую дорогу. Вдали сверкало озеро Боро-нор (Дождевое). Встретили три табуна куланов. С озера Боро-нор спугнули в стороне от дороги, где остановились на ночь, целую стаю гусей. Озеро оказалось с хорошей пресной водой; этим отчасти и объясняется присутствие в этой местности больших табунов куланов и диких коз. В этот день прошли 43 мили, а всего 488 миль.

24/IV. Дикае монголы. Приезд в Юм-бейсе.

12-й день пути. Воскресенье, первый день Пасхи. В 8ч. 45м. утра выехали дальше. День солнечный, дует прохладный ветерок. Во время сборов в путь прибыли со степи, как обычно, монголы, рассматривая все с любопытством, грязные и дикие, не знающие Будды (вероятно, шаманисты), предпочитающие изображению Будды янчаны (деньги).

Едем верблюжьей тропой через пески и перевалы, временами через очень крутые подъемы и спуски. В автомобиле У. обнажился провод, произошло короткое замыкание и вспышка, загорелся корпус. Благодаря присутствию духа у шофера У. пожар был вовремя прекращен. На автомобиле было около двух тысяч патронов. Вчера так же начинался пожар от проводов у З. Около 6ч. вечера достигли, наконец, с большими трудностями, Юм-бейсе. За день прошли 37 миль, а всего 525 миль. Остановились, проехав монастырь Юм-бейсе, за одну милю там, где

осенью прошлого 1926 года останавливалось монгольское посольство проездом в Тибет. Вода и дрова (дзак) были немедленно же присланы представителем местного отдела Торгпредства.

25/IV. Конец автомобильного пути. Верблюды.

С утра на стоянке оказался целый круг сидящих за чаем у костра лам из монастыря Юм-бейсе. Среди них находился лама, заведующий хозяйством монастыря, два раза ходивший с караваном в нужном нам направлении и сопровождавший до Шибочена монгольское посольство. Рекомендован и прислан нам отделом Торгпредства. Из разговоров его выяснилось, что он упорно отрицает возможность дальнейшего движения на автомобилях, указывая, что монгольский главнокомандующий не мог доехать даже до границы. Ввиду этого мы были поставлены в необходимость следовать далее на верблюдах.

II. ЮМ-БЕЙСЕ — ШИБОЧЕН

5/V. Первые деревья. Развалины. Выстрел. Тревога.

6-й день каравана. Вышли в 9ч. 15м. утра. Второй день идем в безводной пустыне кратчайшим путем. Обещают нечто вроде земли обетованной или оазиса. В 4ч. 30м. вечера достигли чистого ручья у подножья гор среди зарослей высокой травы, еще желтой, и зеленеющих толстых деревьев и высоких кустов. По дороге встречали цветущий белыми и розовыми цветами дикий лук.

Не надо забывать, что подобные ручейки в известное время года превращаются в бурные, стремительные реки, несущие по пути ил, крупные древесные стволы и прочее, разливаясь по широкому руслу. Еще до этого ручейка вся громадная равнина, по которой мы ехали, была занесена илом; там и сям валялись громадные древесные стволы. Палатки раскинули над ручьем под большими деревьями (урочище Шара-хул-усу) у подножья гор. Виды лагеря и местности живо напоминают романы Майн Рида. Остановка в красивой местности под деревьями не обошлась без препирательств и крайней степени неудовольствия со стороны караванщиков, которые непременно хотели остановиться на обычном загрязненном аргалом и топком месте ручья; грозили даже бросить нас и увести назад верблюдов, но, разумеется, вышло по-нашему.

Ходили с Н.К. осматривать остатки китайских строений на соседней возвышенности; говорят, что здесь, на этом караванном пути, китайцы сеяли раньше мак для получения опия. Возможно, что в еще более отдаленное время здесь на пути было сторожевое, а может быть, и разбойничье укрепление.

В одиннадцатом часу вечера вдруг со стороны ущелья раздался ружейный выстрел. Огни в палатках и кухонный немедленно были погашены, и все пришло в боевую готовность, вооружась винтовками и револьверами. Установлена была цепь стрелков и послан разведчиком тибетец Кончок, говорящий и по-монгольски. Потом послышался лай собак и звон идущих верблюдов, что дало нам повод думать, что идет торговый караван, а по количеству сторожевых собак, что из Тибета. Прислушивались: наконец наш лазутчик Кончок, видимо, достиг неприятеля и вступил с ним в какие-то переговоры. Вместо условленных двух выстрелов в случае тревоги послышалось веселое пение Кончока, что означало полное спокойствие. Возвратившись, разведчик сообщил, что видел торговый китайский караван в 65 верблюдов и с двенадцатью людьми и одним ружьем. По словам разведчика, люди каравана были испуганы при виде наших костров, думая, что это хунхузы. Когда спросили о нас подъехавшего Кончока, что это за люди, он ответил: «У нас палаток много, а у вас — только одна, но мы вас не тронем». Оказывается, что этот выстрел был своеобразной техникой китайских караванщиков, чтобы запугать и показать, что едут вооруженные люди. Тем не менее, на ночь часовые были оставлены с заряженными винтовками. Ввиду бывшей днем жары решено было выходить вечером и идти до 12ч. ночи.

6/V. Нападения на караваны. Травы. Безводье.

7-й день каравана. Утро прохладное. Из китайского «враждебного» каравана пришел татарин, уроженец Семиреченской области, говорящий по-русски, с предложением зеленого чая Липтона, сгущенного молока и шоколадных конфет. От него мы узнали, что месяц тому назад в этом месте среди дня был ограблен монголами караван, убит один человек, лошадь и верблюд — взяли только верблюдов, оставив товары, принадлежащие торговой фирме Бреннер. У каравана не было винтовок. Предполагаем, что это могли быть халхасцы юмбейсейского хошуна или же остатки шаек пресловутого Дже-ламы. Во всяком случае, нам предстоит добрых 11 дней пути с предосторожностью.

Далее выступили в 2ч. 30м. пополудни. Погода продолжает быть прохладной благодаря ветру. Едем ущельем гор средней высоты, преимущественно гранитных, сильно выветрившихся и изъеденных атмосферными осадками, причудливой формы. При выходе со стоянки измеряли на глаз высоту травы. Оказалось, что она совершенно скрывает верблюда со всадником.

По выходе из ущелья вступили на песчаные развалины Центральной Гоби. Шли до 12ч. 30м. ночи до воды. Дальше на три дня перехода — безводное пространство.

7/V. Центральная Гоби. Шайки Дже-ламы.

8-й день каравана. День облачный. Вышли в 2ч. 45м. пополудни, предварительно наполнив 40 бидонов водой ввиду предстоящего безводного пространства. В караване идет 50 верблюдов и 21 человек. Шли частью степными пространствами, частью ущельями пересекающих пустыню небольших хребтов и холмов Гобийского Алтая. Воздух теплый с небольшим ветерком, чувствуется аромат пахучих растений. Путь идет на Ан-си-чжоу и Шибочен, который надеемся пройти в 14 дней. На стоянку стали около 1ч. ночи при слабом свете затуманенного серпа луны на горизонте.

По замечанию Н.К., по сравнению с Такламаканом Центральная Гоби представляется гораздо насыщеннее красками и живописнее. Продолжаются упоминания о шайках Дже-ламы, а потому проходить путь ночными переходами практичнее и в этом отношении. Сегодняшний день не только безлюден, но и без зверей; только следы на песке антилоп и куланов указывают, что изредка здесь пробегают животные.

8/V. Эротика пустыни. Ночной переход.

9-й день каравана. Вышли в 2ч. 30м. дня. День прохладный. Пустыня имеет черный цвет от мелкой щебенки и гальки, которой густо усыпан песок. В трех местах встретили громадные изображения на земле обнаженных мужских и женских фигур в эротических позах; тут же в одном случае был изображен и верблюд. На полпути встретился небольшой водоем соленой воды. Небо покрыто кучевыми облаками; временами идет непродолжительный дождь. Шли при луне и остановились во втором часу ночи, чтобы в 5ч. снова подняться и двинуться дальше к

воде, так как в это время года линьки верблюдов дольше двух дней их нельзя оставлять без воды — быстро теряют силы. Большая часть спутников спала в течение двух часов на открытом воздухе при холодном ветре, только тепло укрывшись.

*9/V. Белая пустыня. Колодцы. Прошлое ламы.
Молчите в пустыне.*

10-й день каравана. Встали в 5ч. утра и выступили в 7ч. Это день белой пустыни, так как вся местность покрыта щебенкой белого цвета из выветрившихся горных пород. Местность холмистая; вдали виднеются более высокие горы, куда мы должны дойти сегодня, чтобы напоить верблюдов и сделать запасы воды у колодца. Достигли гор только в начале четвертого часа пополудни. День чрезвычайно жаркий и солнечный, утомительный. Остановились, измученные жарой и восьмичасовым переходом, у водоема среди гор — обычного в пустыне глубокого, обложенного внутри камнями колодца, ничем не закрытого; в глубине виден толстый слой льда. Снаружи ничем не огражден — может попасть и человек, и животное, ветер несет в него песок пустыни. Вода мутновата, но холодна и приятного вкуса. По дороге к Юм-бейсе мы встретили колодец, куда несколько часов, по-видимому, тому назад провалилась корова, упав головой вниз. Тут же около колодца желоб для верблюдов, причем остатки грязной воды стекают обратно. Когда же, наконец, в подобных безводных местностях драгоценные источники питьевой воды получают надлежащую охрану?

Вечером куковала горная кукушка. Постепенно выясняются характеристики наших спутников. Вот монгольский лама Ламаджан. Выясняется, что прежде он был разбойником, потом контрабандистом, солдатом, теперь раскаялся и идет для завершения ламского образования в Лхасу. Другой — Дава Церемнилов, бывший контрабандист, партизан Сухэ-Батора, потом красноармеец, поющий про Шамбалу. Оба были очень рекомендованы некоторыми видными лицами. Вероятно, до конца путешествия узнаем подробности и о других наших спутниках.

Вот беда — пустыня услышала о нас. К вечеру поднялся вихрь; оказывается, мы же сами в этом и виноваты — мы громко произнесли название места остановки. По толкованию монголов-караванщиков, этим оповестили злые силы пустыни. Они могут обнаружить местопребывание путников и наслать любое несчастье. Никто не должен знать о пустынных местах — в этом заключается какой-то обширный сюжет.

Вечером толковали о посылке П.К.* в Сучжоу для нахождения ожидаемого нашего сотрудника. П.К. поедет в монгольском кафтане.

10/V. Верблюжья тропа. Таинственный Дже-лама.

11-й день каравана. Ввиду возникших с вечера слухов о близости мест, где действовали остатки шаек Дже-ламы, утро началось военными приготовлениями. Всем было роздано оружие, установлен порядок охраны каравана и план действий на случай нападения. Даже старший лама Малонов всунул для устрашения в пустой чехол палку. При выступлении в 3ч. 45м. пополудни караван имел военный вид с соответствующими группировками вооруженных карабинами и магазинами всадников. В этот день был сделан большой перевал через крутой и высокий дабан — это кратчайшая дорога, открытая одним из лам-караванщиков, 30 раз ходившим с караванами. Другая, западная обходная дорога длинна и безводна — монгольское посольство в прошлом году испытало много лишений.

После перевала через дабан, еще засветло (причем наших верблюдов вели наши спутники и караванщики), мы увидели изображение на песке большого субургана из белых (кварц или алебастр) камешков. Нам сказали, что это работа пленников Дже-ламы. Вечером при свете луны шли красивым узким ущельем — мог пройти между камнями один верблюд. Рассказывают о Дже-ламе, что он окончил юридический факультет Петербургского университета, затем изучал метафизику в Лхасе, где достиг значительных знаний и влияния, но в силу какой-то кровавой ссоры должен был покинуть Тибет. Прибыв затем в Монголию, Дже-лама отличился в войнах с китайцами и даже, заняв Кобдо, вырезал там китайское население. За военные успехи Богдо-геген пожаловал ему звание Таши-гуна и подарил хошун Кобдинского округа. После ссоры с местным казачьим полковником Дже-лама был арестован (непонятно для нас) и увезен в тюрьму в Иркутск, а затем в Астрахань, откуда его освободила революция 1917 года. После этого он опять возвратился в Монголию и «эволюционировал» в могущественного разбойника, может быть, мстителя. Закладывает целый разбойничий город, ограбляет десятки караванов, частью убивая людей, частью оставляя пленниками для своих строительных целей. Затем он был предательски убит монголами, и голова его на копье обвозилась по городам Монголии. Около этой головы складываются целые легенды. И вот остатки его банд, опустив-

---

* Портнягин Павел Константинович — врач, участник экспедиции на маршруте от Улан-Батора до Дарджилинга.

шиеся и окончательно озверевшие, продолжают разбойничьи нападения. По дороге много конских следов — разбойники ходят на конях. На ночь приняты всякие предосторожности.

Кроме бурят и сотрудники каравана несут сторожевую службу. До сих пор от зноя спасает нас прохладный ветер. Как-то будет дальше? Остановились в 12ч. ночи.

12/V. Город Дже-ламы.

Разбойники. Переодевание в азиатское платье.

13-й день каравана. С рассветом обрисовался город Дже-ламы невдалеке от нашей стоянки. Прекрасно выбранное место для укрепленных сооружений в пустыне. Вид феодального замка тибетского типа, на холме, с дозорной башней на центральном здании, башней боковой, широким двором, конюшнями и помещениями для солдат и слуг. Все обнесено каменными стенами с бойницами. Перед холмами две могилы из камней, скрепленных глиной. Широкий размах и недюжинный замысел постройки. Вспоминается книга Оссендовского «Звери, люди и боги» (1922), где Дже-ламу он называет «мстителем», рассказывает о встрече с ним и удивительном случае проявления Дже-ламой глубокого познания практического применения гипнотизма. Нет, это не простой разбойник проезжих дорог, судя уже по его высшему европейскому юридическому образованию.

Утром небольшую тревогу причинили замеченные вдали две палатки — майханэ. По обследовании оказалось, что версты за четыре остановился караван купцов. Тибетец Кончок советует во избежание излишнего любопытства китайцев пройти китайскую территорию пути в ночное время — тибетцы знают китайцев. Начали готовить нашу поездку за ожидаемым сотрудником в Сучжоу — П.К. поедет в монгольском одеянии. Погода жаркая. Нерва* «насвистывает» ветер. При осмотре источников питьевой воды оказалось, что вода ключевая, даже обделан грунтом ряд бассейнов ниже истоков, в долине; то же сделано для животных. На значительном расстоянии от стен укрепленного замка устроена была свалка. Все это лишний раз указывает на необычную личность Дже-ламы — «ламы-мстителя», у которого, очевидно, были какие-то своеобразные идеи культуры и благоустройства — создает в мертвой пустыне город, так это не только был укрепленный замок, но видны и следы окружавших его юрт.

---

* управляющий хозяйством, казначей тибетского монастыря

Вышли в 3ч. 5м. пополудни далее и вскоре увидели два больших каравана, всего в сто пятьдесят верблюдов. Наш разведчик-тибетец сообщил, что видел в этом караване торгоутов, приведших баранов для продажи, и что в этих людях он узнал одного из разбойников, с которыми ему пришлось встретиться в прошлом году. Он же сообщил, что по сведениям от караванщиков-китайцев, в этой местности имеется сейчас пять майханэ (палаток) торгоутов-разбойников. Принимаем предосторожности.

На днях начнется территория, где возможны военные китайские разъезды. Чтобы не пугать своим видом, решено одеть азиатское платье. Едем сегодня местностью, имеющей вид болота с кочками. К вечеру шли мимо гор по руслу большой песчаной реки. В 10ч. 45м. вечера остановка среди холмов. Имеется вода.

III. ШИБОЧЕН — ШАРАГОЛЬЧЖИ

*27/V. Предательство нервы. Американский король.
Опасность заразы. Китайская пята над монголами.*

Утром приехал один из наших будущих караванщиков — монгол Кончок, родственник Мачена. Рассказывал, что встретил в ущелье нерву с караваном, который ему отзывался очень неодобрительно о нас, говоря, что «эти русские не соблюдают обычаев каравана, останавливаются, где захотят», что «с ними едут буряты», тоже не любимые монголами, «которые все спят на верблюдах, а если их разбудить, то начинают стрелять». По счастью, этот монгол Кончок хорошо знаком с нашим тибетцем Кончком и легко мог восстановить истину. Здешние монголы говорят о Н.К., что «приехал американский король».

Вчера мы вспоминали по поводу бывших в Японии землетрясений, предсказанных японским ученым, также и о его предсказании о судьбе Петрограда, якобы угрожаемого наводнением вследствие поднятия уровня дна Ладожского озера. Известно, что возможность вулканических процессов около Ленинграда учеными отрицается. Между тем, на Валаамских островах, в Ладожском озере, монахам давно известны усилившиеся с 1917 года подземные гулы, особая теплота почвы и появление подземного огня, о чем они собирались сообщать в Академию Наук.

День облачный и прохладный. Вчера лама Малонов устроил около наших палаток под навесом молельню, выставив белое счастливое знамя

с многократным изображением коня, несущего на спине «Сокровище мира — Чинтамани».

Произошло то, чего мы и опасались, удаляясь от становищ. Сегодня менее чем в версте от нас обнаружен заболевший ящуром монгол. Не исключены и другие заразные заболевания среди местных монголов, живущих в самых негигиенических условиях. И здесь Китай не проявил за все свое более чем долгое существование государственной власти заботы о народном здоровье. Поистине приходится удивляться возмутительному отношению китайской государственной власти к управляемым ею народностям. Впрочем, посмотрим, как Китай устроит теперь сам себя. Этому приходится удивляться тем более, что приходящие монголы проявляют большую живость и любознательность при осмотре наших вещей, но, к сожалению, между нами стоит препятствие — незнание языка.

9/VI. Неточности географических карт.

Путь в «Беловодье». Сказание претворяется в реальность.

Необычно холодный день с восточным ветром. Небо обложено тучами. С утра опять приезжал Мачен с Кончком, на одном седле; навязывал приобрести у китайца двух негодных лошадей. Об «опасных» вчерашних болезнях не слышно более ни слова. Опять толковали о разнице географических названий и расстояний на картах; так, например, ширина Цайдама у Тэйджинера, очень незначительная по русской сорокаверстке, представляется значительно большей по английской съемке Орел-Стейна. Упоминаемое местными жителями название Маркем на картах вовсе не встречается. Вспоминаем алтайские староверские описания пути в «Беловодье». Между Иртышом и Аргунью, по области многочисленных болотистых озер, затем неизвестное пока название «Боггорши», а после упоминается «через Кокуши»; не есть ли это хребет Кукушили, протянувшийся с запада на восток; ну, а потом уже самый «Ергор». По признаку озёр, болотам и Кокушам это напоминает калмыцко-торгоутскую дорогу, идущую через Карашар. Как и всегда, казалось бы фантастичное укладывается в самое реальное. Характерно, что начало известий о «Беловодье» относится к 40-м и 50-м годам XIX столетия, когда уже готовились некоторые манифестации мирового значения и некто, полузадыхаясь в арбе с соломой, уже пробирался к источнику знания. По-прежнему в ближайших юртах слышится барабан — вчерашнее служение продолжается. Читали выдержки из письма

С.Н. (Святослава Николаевича Рериха — ред.), присланного еще в Кашмир. Ни верблюдов, ни заказанной дней шесть назад цампы не видим. С продовольствием здесь трудно — с трудом достали муки, не особенно, конечно, хорошего качества, немного риса и изюма; чай только плиточный; сахар грязного цвета, китайский и то в ограниченном количестве. Масла и соли нет; привезли растительное зеленого цвета, которое отказались есть буряты. Очень дешевы яйца и в изобилии — с доставкой сюда по два янчана (рубля) сотня. Овощей мало — немного картофеля, редьки, моркови, чеснока и зеленого лука.

18/VI. День отъезда. Горные перевалы. Заградительные зоны Гималайского Братства. Новое сознание близкого будущего.

День жаркий; ночь была теплая. Е.И. получено сообщение Учителя, что наступают большие мировые события. В обычном своем состоянии восприятия она видела широкое лицо незнакомого человека с короткими волосами и пристально устремленным взглядом, о котором было сказано, что это Б., думающий о нас и следящий за нами с интересом, имеющий ближайшие возможности президентства, если он не отступит в натиске дерзновения.

С 10ч. утра дует свежий ветерок. Мачен явился с дворянами, своими людьми и китайцами около 9ч. утра. Идет взвешивание груза и раскладка его по местам, группами, для погрузки. Деятельно и оживленно собираемся в путь. Стояли в Шибочене с 21 мая в палатках у реки. До 10ч. утра река в первый раз была мутная; где-нибудь вблизи подмыло глинистый берег, который обвалился. Выступаем вечером не ранее 5ч. пополудни, чтобы менее быть под лучами солнца, что чрезвычайно опасно для Е.И., занимающейся психическими опытами. Перевал около 13.000 футов или немного более будет через сутки пути. Тибетцы на основании опыта мало едят в пути, а за сутки до прохождения через перевал или в самый день воздерживаются от пищи, во избежание головокружения, тошноты и приливов крови к голове, кровотечений и даже смерти. Разумное правило, так как в противном случае начинается головная боль, лицо багровеет, и из носа или гортани идет кровь.

Тибетских гор боятся в особенности ввиду психологизирования племен и народов, живущих вблизи запретных мест Гималайского Братства (Шамбалы) в Тибете, а также и потому, что в этой очень обширной зоне имеются гейзеры с ядовитыми испарениями; вместе с тем доступ в

эту область вообще прегражден мерами, основанными на величайших научных знаниях — без проводника или без разрешения Братства никто еще не проникал туда и не может проникнуть, хотя бы приняты были к тому самые чрезвычайные меры.

Основание Братства относится к древнейшим временам, и с тех пор центр его находится в Тибете. Так как к неминуемым эволюционным срокам сведения о Братстве должны проникать в слои, сознание которых уже может вместить задачи новых построений, в печати, в книге «Община» можно найти целый ряд конкретных указаний на характерные черты мировой деятельности Братства с его глубоко научными задачами, как известно, обладающего единственными в мире по значению лабораториями и библиотекой. Таким образом, «оккультно-мистические» науки претворяются здесь в совершенно конкретные и точные знания. Большинству из читателей приходилось слышать о людях, побывавших в Индии и приобретших там у факиров, йогов, секты красных шапок, бон-по или дуг-па некоторые знания и тайны производства феноменов. Однако эти знания очень грубы, поверхностны и ограничены и ни в коем случае и ни в какой мере не могут сравниться с величайшими знаниями, накопленными Братством в совершенно особых условиях. Лишь по мере очищения сознания, мыслей и стремлений человечества, знания эти могут проникать в обычную жизнь без того, что они не будут использованы с эгоистическими или разрушительными целями. Думается, что это ясно каждому просвещенному человеку. Братство всегда посылало в мир непосредственно или через своих сотрудников идеи величайших открытий, но оно знает о необходимой осторожности, так как всегда эти открытия наичаще старались использовать не на благо, а во вред человечеству. Многие идеи было бы и преждевременно давать — при несовершенном сознании они не могут быть восприняты человечеством. Теперь, в роковые моменты судьбы народов, Братство снова идет им на помощь.

IV. СТОЯНКА В ШАРАГОЛЬЧЖИ

*29/VI. Холодная ночь. Опять буран. Статья проф. Анезаки.
Розовые лучи Ориона.*

«Чинтамани — Сокровище мира» — дар Ориона. Существующий метеорит. Легенда о камне. Буран кончился вчера только в 8ч. 50м.

вечера. Ночь была холодная; пришлось спать в егоровском белье, свитере, легком, без меха, спальном мешке, укрывшись меховым и шерстяным одеялами и шубой; на голове — шерстяной шлем и легкая шапка. Было тепло только в меру в летней брезентовой палатке. День наступил солнечный с голубым, почти безоблачным небом, но прохладный.

Утром ходили с Н.К. к подножью Гумбольдтовой цепи; взяли образец красного точильного минерала, из которого в Китае изготавливают хорошие точильные камни. После двух часов дня опять начался сильный ветер при нежно-голубом, почти безоблачном небе. Буря пронесется сейчас и над миром. Она означает наступление новой эры для человечества, разрушение форм старого мира и созидание новых удивительных форм мировой общины. Проф. Анезаки в «*Vie Des Peuples*» в октябре месяце 1923 года говорит в своей статье, что японская катастрофа соединена с началом новой эры человечества. В сентябре того же года Бюллетень Астрономического общества в Париже сообщил о наблюдении розовых лучей, появившихся в созвездии Ориона. А в 1924 году в Нью-Йорке в декабрьском номере иллюстрированного журнала «*The Foreword*» под известной картиной Н.К. «Чинтамани — Сокровище мира» появилась легенда об этом сокровище, легендарном горном камне, аэролите, даре Ориона. Упомянутая картина изображает, как известно, белого коня на фоне причудливых и величавых скал, спускающегося осторожно по узкой и извилистой горной тропе, несущего на своей спине чудесный ларец с камнем, сокровищем мира, над которым сверкает пламя в нимбе лучей. Удивительная картина и еще более изумительный дар видения сокровенных вещей!

Мне известно, где хранится этот аэролит, нигде более не существующий на нашей планете, а также осколок этого камня, о котором говорится в «легенде», но об этом я должен умолчать.

Дальше я приведу лишь отрывки существующих разновременных легенд о камне, особенно ценные ввиду того компетентного источника, откуда были они сообщены, прежде чем попали на страницы «*The Foreword*». Между прочим, в книге Оссендовского «*Звери, люди и боги*» (1922) часто упоминается легенда о черном камне, по монгольским источникам. В английско-тибетском словаре Jacschke, (Лондон, 1881), находится слово «*Norburinrose*» — «чудесный камень, владение которым сообщает неистощимые возможности; он имеет форму овального плода». Многие, вероятно, ранее читали и слышали что-то о служении

жрецов Атлантиды и впоследствии друидов у черного камня. В литературе многих народов была выдвинута древняя легенда о чудесном камне, обладание которым дает мощь и возможности, предназначенные человечеству по праву его сущности.

12/VII. Дождь. Гиганты острова Пасхи.

Разноречивость научных суждений. Гигантские статуи Бамиана.

Всю ночь и утром до 1ч. дня шел дождь. Некоторые палатки слегка залило, несмотря на сделанные вокруг них канавки. Сегодня беседовали о тех гигантских базальтовых монолитных статуях, 27 футов в высоту и 8 футов в плечах, которые были открыты впервые Куком на острове Пасхи. Две из этих статуй находятся в Британском Музее в Лондоне, причем одно из высших должностных лиц музея заявило, что древность этих статуй, по его мнению, не так уж велика, причем оснований этому мнению приведено не было. Обратимся к другим источникам.

В «Тайной Доктрине» Е.П.Блаватской (The Secret Doctrine, vol.II), составленной на основании сведений, почерпнутых от Учителей Востока и из Пуран, об острове Пасхи говорится, что он представляет остаток материка Лемурия, где жила 3-я черная раса гигантского роста, предшествовавшая 4-й красной расе Атлантиды. Любопытно отметить, что сейчас существование наших гигантских предков не только подвергается сомнению, но и отрицается. Между тем, из источника, не подлежащего сомнению, известно, что «в Гималаях и сейчас имеется пещера со скелетами этих великанов». Надо надеяться, что в сравнительно недалеком времени люди поймут, почему на Гималаи, в особенности Трансгималаи Тибета, как на древнейший уголок земли, следует обратить особое внимание и искать там то, о чем они пока только мечтают. Как на пример разноречивости научных суждений можно указать на мнение, существующее о гигантских статуях в Бамиане, недалеко от Кабула, на границе Афганистана. На основании наличия буддийских пещер, расположенных вблизи этих древнейших гигантских статуй, достигающих 173 футов высоты, некоторые археологи считают статуи буддийского происхождения, тогда как другие исследователи, в том числе бывшие там ранее миссионеры-иезуиты, указывают на их значительно более древнее происхождение, тем более, что алебастровые мантии статуй явно позднейшего происхождения. Вчера вечером долго говорили о созидательных, эволюционных мировых перспективах.

Как и вчера, сегодня вечером опять льет дождь, небо беспросветно серо. Некоторые палатки начинают подмокать.

13/VII. Остров Пасхи — остаток Лемурии. Свидетельство Кука о виденных им циклопических постройках на острове Пасхи.

Ночью был сильный ветер, земля немного просохла; небо все еще облачно, вершины гор покрыты облаками. Думается, что остров Пасхи, остаток Лемурии, по свидетельству Учителей Востока, был свидетелем также и существования на нем последних жителей Атлантиды, может быть, после гибели острова Посейдонии, который считается древними греками последним остатком Атлантиды. Дело в том, что капитан Кук отметил на острове Пасхи, кроме гигантских черных статуй, еще и циклопические кладки, о которых он говорил, что они напоминают ему развалины древнейших построек в Перу, где, как известно, существовали ранее остатки красной расы. Днем сильный ветер, временами дождь — остатки муссона. К вечеру небо прояснилось.

23/VII. Условность памяти. Рая ничего не знает о Христе. Воспоминания Н.К. Статья Яремича.

Говорили о ценности исторических утверждений и свойствах человеческой памяти. Оказывается, что факты и сами личности быстро изглаживаются из памяти людей, а все суждения субъективны и относительны, в зависимости от качества сознания и остроты наблюдения и восприятия. Проверьте это на простых и ближайших фактах. Спросите себя, а потом других, как звали их прадеда, и увидите, что редкий человек ответит на этот вопрос. Скажите, в котором часу, утром или вечером вы появились на свет? Опять-таки редкий ответит на такой, казалось бы, близкий ему и интересный вопрос. Иногда даже мать затруднится ответить на этот вопрос своим взрослым сыну или дочери.

Н.К. вспоминает следующий факт. В старом Петербурге в 90-х годах прошлого столетия, во время каких-то земляных работ в Демидовом переулке было открыто обширное кладбище. Обычно кладбища были при церквях; состояние костяков не указывало на их древность. Петербург основан всего в 1703 году, развивался медленно, а между тем никто уже не помнит и не слышал не только о кладбище, но даже и о церкви, стоявшей почти в центре города, очевидно, тогда деревянной. О том, как быстро уходят понятия из обихода людей, казалось бы, так

прочно вошедшие в жизнь, приведу такой пример — путешествующая с нами сестра Людмилы Рая, которой около 14 лет, родившаяся и выросшая в Троицко-Савске, совершенно ничего не знает и не слышала о Христе. И это потому, что в то время, когда ей было около 4-х лет, произошла революция, церковь была отделена от государства, и религия стала для многих менее значительным фактором жизни или же совершенно ушла из нее. Другой факт — Н.К. рассказывает, что незадолго перед европейской войной в Островках под Петербургом было вскрыто неизвестное кладбище, причем обнаружено погребение, судя по вышитым на камзоле звездам, вельможи высшего класса екатерининского времени. Но вся эта видимая знатность вельможи не защитила его от абсолютного забвения — так никто и не мог установить, кому принадлежала эта могила.

В дальнейшем разговоре Н.К. указывал, что какая бы получилась поучительная книга из признаний исследователей и изобретателей, при каких условиях протекал решающий момент их счастливых открытий и кем или чем был дан толчок их открытию. Наибольшая точность этих признаний не только бы никого не умалила, но дала бы несомненное расширение путей мышления. При этом вспоминается статья художника Яремича*, в которой он ссылается на слова Н.К. о том, как произвольные, как бы случайные явления создают иногда наибольшие результаты, причем истинное творчество является не рассудочным, вызванным мучительно-напряженным заданием, но выливается, как радость сознания.

*28/VII. Приезд П.К. Закупка верблюдов. Чимпа.
Приезд Н.В. Потоп.*

В 6ч. утра возвратился П.К. из Макэ. Приехал один, без верблюдов. Куплено 33 верблюда по средней цене 78 янчан и одна лошадь за 70 янчан. Рассказывает, что по пути в Макэ на перевале Улан-дабан был снег и стужа, на обратном пути только грязь; после Улан-дабана был еще один меньший перевал. Путь в один конец занял 36 часов, т.е. шесть малых переходов. В Макэ сильная жара, умеряемая только облачным небом. К нашему удовольствию, он встретил там тибетца Чимпу, знакомого по Урге, где он был при тибетском доньере и отправился в ноябре прошлого года с караваном, везшим в Тибет оружие. В пути тяжело заболел и вот уже шесть месяцев живет, все еще болея, в Макэ. Около 12ч. дня пришли остальные спутники П.К. с верблюдами. Один верб-

---

* Степан Яремич «У истоков творчества» в кн.: Рерих. Пг., 1916.

люд, наиболее истощенный, остался лежать на перевале. Бурят Аюр, охранявший его некоторое время, возвратился к 2ч. дня. Возникла мысль послать в горы двух человек, которые подкормили бы мукой верблюда и переночевали там. В 4ч. дня начался сильный дождь; в это время новая неожиданность — подъехал с двумя монголами давно ожидаемый нами спутник Н.В.* К 5ч. дня ливень усилился, вода в ручье сразу поднялась, и вдруг неожиданно хлынул в долину стремительный горный поток. Обеденная и кухонные палатки были снесены; поплыли тазы, чайники, бидоны, тяжелые ящики и прочие вещи. Поток был настолько стремителен и обширен, что Людмила и Рая едва избежали потопления и уже кричали о спасении, а Рая громко плакала, пока, наконец, по моему настоянию, они не бросились в направлении палатки Ю.Н. (Юрия Николаевича Рериха — ред.), перейдя поток по колено в воде. В это время поток уже залил палатку Ю.Н. Все вещи и винтовки, бывшие у Ю.Н., пострадали от воды, песка и глины; палатка была спасена разорванной. Обед наш и многие вещи и продукты пропали; между прочим, была безвозвратно унесена большая часть кухонной посуды. За некоторыми вещами скакали верхом вдогонку. Остальная часть вечера прошла в поисках в долине унесенных потоком вещей и в откапывании их из песка и глины. Снесенные палатки были переставлены на новые места, а уцелевшие еще раз окопаны канавками. Пришлось немедленно же заняться очисткой ружей от песка и глины и переборкой таких пострадавших пищевых продуктов, как сахар и чай. В 8ч. вечера кое-как вскипятили кофе и поели сухарей. Ю.Н. еще до 2ч. ночи занимался очисткой оружия.

*5/VIII. Драка бурят. Необыкновенное явление.
Еще о чудесном метеорите. Свойства первичной энергии.*

Погода стоит хорошая. С утра началась дальнейшаяковка лошадей. Вчерашний вечер окончился неожиданной дракой, происшедшей между Ардной и ламой Бухаевым. Вдвоем они брали из мешка муку, и Ардна в шутку рукой, запачканной в муке, дотронулся до лица Бухаева. Бухаев сильно ударил Ардну в грудь, а тот его по лицу и пнул ногой; едва удалось их развести. Около 9ч. вечера вчера же возле нашего склада лошадиного корма (горошек) и муки скакали тушканчики величиной с большую мышь, с хвостом, раза в три длиннее, чем тело, с кисточкой на конце. Мы освещали их электрическими фонарями, это на мгновение

---

* Н.В.Кардашевский (Кардашевский) — полковник, начальник вооруженной охраны экспедиции.

останавливало их бег и позволяло нам ближе рассмотреть их. В ковке помогают сегодня два кузнеца-китайца. Надеемся перековать сегодня значительную часть лошадей, в первую очередь верховых.

Около половины одиннадцатого утра мы заметили большого черного орла, пролетевшего с запада на восток, — этого размера птицы здесь редки; вслед за этим мы обратили внимание, что бурят Цультим смотрит на северо-восток. Приблизившись к нему, мы заметили на очень большой высоте ярко блестящий предмет, быстро и плавно двигавшийся в южном направлении хребта Гумбольдта. Успели принести три бинокля, и все бывшие тут семь человек этой группы внимательно наблюдали это явление.

Хотя предмет уже удалялся, но в бинокль он представлял вид светлого округлого тела продолговатой формы с одним освещенным боком, постепенно удалявшегося и вдруг, по словам наблюдавшего также Н.В., повернувшего под углом определенно к югу. Были предположения об аэростате, и среди бурят о воздушном шаре, пущенном китайцами с «парами бензина». Мы улыбались последнему предположению, так как ближайший пункт, откуда мог быть пущен шар, — это Сучжоу, находящийся в расстоянии шести дней, причем все эти дни, как и вообще во все это время года, ветер был определенно западный. Н.К. при этом вспомнил явление, наблюдавшееся в Санкт-Морице, свидетелем которого был также тогдашний его спутник Я. (Яруя, В.А.Шибает* — ред.). Тогда на безоблачном небе наблюдалось необычайно быстрое образование над комнатами отеля «Suvretta Haus» резко очерченного облачка, которое быстро начало вращаться и потом вдруг исчезло.

«В камне заключена частица великого дыхания жизни», — говорит одно из дошедших до нас преданий о вышеупомянутом метеорите, который считается несуществующим, легендарным, но на самом деле реальность существования его не подлежит ни малейшему сомнению, так как местонахождение его, вид его и свойства известны не только мне одному. Однако здесь же должен пояснить, что по тому же преданию, пользование этим метеоритом, дающим возможность применения уплотненной, конденсированной первичной энергии, возможно лишь в плане мироздания или мирового строительства, но никак не в личных эгоистических целях, добрых или злых — это безразлично, ибо первичной энергией, в отличие от других производных ее видов, нельзя пользоваться вне условий мировых кармических законов.

Поясню это примером. Представьте, что вы, обладая знанием свойств первичной энергии как могущественной мировой силы, увидели

---

* Шибает Владимир Анатольевич (ум. 1972) — сподвижник Н.К.Рериха, секретарь Института Гималайских исследований «Урусвати» в Кулу (Индия); проф. Делийского ун-та.

бы вдруг гибель целого города в пламени, ужас и смятение его жителей и захотели бы прекратить этот пожар. Тут даже, по-видимому, полное отсутствие личной заинтересованности, наоборот, большинство людей будет доказывать, что это ваш священный долг перед человечеством, что иначе и нельзя поступить. Но не забудьте, что вы не в праве нарушать законы кармы и что пользование свойствами первичной энергии недопустимо в подобных частных случаях, не имеющих значения в мировом плане Владык. Сделайте лучше и немедленно же в вышеприведенном случае все зависящее от вашего опыта и мудрости, призовите все другие силы природы с помощью технических усовершенствований, но не трогайте особой тайны природы — первичной энергии без исчерпывающего знания свойств ее и получения на то разрешения Высокого Начала. О последствиях пользования этой энергией в ненадлежащих случаях я не буду говорить здесь — они могут быть очень многообразны и тяжелы.

Мысль, что кто-то в настоящее время уже знает о первичной энергии и свойствах ее, о каком-то металле мории, добытом из невидимого легендарного метеорита, находящегося в данное время лишь в двух отдаленных местах, о том, что металл этот обладает свойством конденсации первичной энергии и потому дает наилучший способ изучения свойств ее и пользования ею, не покажется ли людям, далеким от мысли об этом, фантастической, слабоумной, невежественной или даже чудовищной и необычной? Но пусть прежде хорошо подумают и вспомнят, что лучшие умы Европы в своих открытиях уже далеко продвинулись по пути делимости атомов, теории ионов и установления единства материи и единства силы. Вечером буран.

12/VIII. Таинственный незнакомец.

Предупреждение о военном отряде в Нейчжи.

В 5ч. дня произошло необычное событие — на прекрасной нездешней лошади быстро подъехал всадник в богатом, расшитом золотом, из китайского шелка малиновом халате, отороченном мехом, внизу такой же роскошный шелковый кремовый расшитый халат, на ногах новые китайские сапоги хорошей работы и в высокой желтой ламской парадной шапке с красной кистью. Вся одежда на нем была театрально новая; ни багажа, никаких вещей не было. Встреченный нами, он с любезными поклонами быстро шагнул в мою палатку, где был Н.К., и,

озираясь, начал как-то растерянно и сбивчиво спрашивать, куда мы едем, не в Лхасу ли. Сам же ответил на наш вопрос, что он едет из Тэйджинера и еще не знает, поедет ли в Лхасу или в Ургу. Затем он спросил, кто переводчик, и сказал, что имеет что-то нам сообщить тайно. Н.К. сказал Кончоку, чтобы он пригласил приехавшего в палатку отдельно и допросил его. Необычный гость начал беседу с обращения: «Мы ведь с вами одних воззрений», — а затем, не поддержанный Кончоком, сразу сбился и заговорил, что мы — религиозные люди, и он — религиозный человек. Его тайная весть заключалась в том, что он приехал будто бы уведомить нас об аресте прежде упоминавшегося монгольского посольства в Нагчу и что тибетским правительством получены сведения о продвижении русских («оруссо») от Шибочена, почему в районе Нейчжи выдвинуты сильные охранительные отряды, причем наш молодой таинственный доброжелатель предупреждал нас, чтобы мы при приближении к Нейчжи проявили осторожность и предварительно выслали разведку. Кончок признал в пришельце лицо, близкое монгольскому посольству, спешащее в Монголию, а его поклонны субургану тот же Кончок нашел искусственными. Нарядный пришелец вскочил на коня и утонул в той же таинственной дали, откуда и прискакал. Если вы думаете, что мы даже на стоянках проводим однообразно время, то вы глубоко ошибаетесь! Приехавший незнакомец проявил наблюдательность — быстро озираясь, он не упустил из внимания кольцо на руке Ю.Н. и сравнил начертания кольца с тамгой* на одном из выданных нами изображений Бурхана, а имя свое так и не сказал. Взвешиваем события! Одно опечалило нас, что у Е.И. сильные боли в солнечном сплетении. Приехавший к нам юный конспиратор ничего не мог сделать более обращающего на себя внимания, как одеть в такой дождливый день и в этой местности театрально кричащий новый наряд. Наши ламы отнеслись к нему настолько недоверчиво, что один из них Л. заметил: «Бывает, что и воры в шелк одеваются». Не забудем, что сам-то Л. был до ламства разбойником.

V. УЛАН-ДАБАН — ЦАЙДАМ — НЕЙЧЖИ

28/VIII. Китайские потаи. Характеристика Е.И., Н.К. и Ю.Н.

Ходили с Н.К. по направлению к горам, где течет Иче-гол, быстрая речка, многоводная, с чистой, прозрачной водой и многими

* тавро, знак (у каждого князя — свой)

разветвлениями. На одной из небольших гор видели старый китайский, императорских времен, потай, или донг, т.е. придорожную башню. С противоположной стороны долины стоит другой потай. Обычно на китайской территории они стояли ранее по большим дорогам через каждые десять «ли» (китайская мера пути — около 4 верст). Во время прогулки и после у меня в палатке много беседовали о тех удивительных явлениях, свидетелем которых был Н.К., а также о будущем мировом строительстве. Вечер прохладный и тихий. Чимпа еще не приехал из Махая.

Е.И., как обычно, много занимающаяся днем в своей палатке рукописями, к вечеру, когда спадет жаркая погода и солнце на закате, гуляет около палатки или недалеко от лагеря с Н.К. или другими спутниками, обсуждая наиболее живые вопросы пути или проблемы мирового значения.

Н.К. любит быть в движении даже на остановках и в лагере, совершает с кем-нибудь из нас дальние прогулки без видимого утомления; здоровье его продолжает быть хорошим, жару и холод переносит одинаково спокойно, принимая во всем живейшее участие и руководство, вплоть до расставления палаток и распределения вещей.

Вдали показались пятеро всадников; предполагают, что едет Чимпа, но, кажется, и на этот раз не он. Ю.Н. во многом подобен Н.К. — везде поспекает и усиленно занимается любимыми им военными трактатами и филологией. Любовь к военным наукам, в частности к стратегии, у него с детства, когда он целыми коробками покупал оловянных солдатиков и выигрывал сражения, состязаясь в игре со своим дядей, военным, загоняя его с остатками оловянной армии, потерпевшей поражение, между шкафом и комодом.

3/IX. Тарантулы, змеи, барсы.

Двое лам с шестью лошадьми присоединяются к нам.

Утро солнечное, прохладное благодаря холодному ветру. Около моей палатки лама Бухаев нашел бурого тарантула. Считаю, что боязнь тарантулов преувеличена — тарантул вял и медлителен, не любит далеко уходить от своей песочной норки, сидит неподвижно на одном месте, когда его не трогают. Чтобы он укусил, надо его придавить рукой или обнаженной ногой. Людей он не боится, так как, очевидно, о вреде им не помышляет.

Большая часть видов змей никогда не нападает на человека, всегда старается убежать с его пути и только, когда он наступит на нее, защищается укусом. Много раз около спящих людей находили змей, даже на груди их, и, однако, змеи не кусали их до тех пор, пока со стороны человека не было каких-либо агрессивных действий. Змея агрессивна только на охоте за соответствующей ей пищей. Я видел, как черная гадюка (*Vipera pigra*) охотилась за небольшой лягушкой — это было на Черноморском побережье, а человек ей мало интересен. Точно так же и боязнь диких зверей преувеличена —зачем, например, волку подвергать себя опасности нападения на человека, когда он питается мясом барана, коровы и лошади и на них охотится? О многом человек часто судит только по себе. Я не говорю, что человек должен быть неосторожен с ядовитыми насекомыми, гадами и с дикими зверями, но не следует их чрезмерно бояться, как это обычно принято. На Урале, около Екатеринбурга, встречаются барсы, и местное население не стреляет их, уверяя, что барс любит человека и друг его. Местные жители на Урале рассказывали Н.К., что часто барс сторожил сон заснувшего в дикой местности человека и уходил по пробуждении его. Поэтому, когда как-то приехали на Урал англичане и предполагали устроить на барсов охоту, местное население чрезвычайно было возбуждено против охотников.

Где-то давно был описан случай, когда в Америке судили какую-то женщину судом Линча и привязали на ночь к дереву в лесу. На утро нашли около нее ягуара, который всю ночь, по ее словам, сторожил ее от диких зверей. Женщина была освобождена.

Много говорили сегодня о взаимоотношениях Учителя и ученика, а также о приближенных местах к Братству, о которых указано, что они начнутся за несколько переходов до Голубой реки (Дэчу, Янцзы-ки-анг). Ввиду предстоящего длинного безводного перехода сегодня стоим на месте — необходимо дать отдых мулам и лошадям, в особенности вчера убежавшим и гнавшим за ними. Верблюды с грузом ушли в 6ч. утра. Оставили с собой палатки, постели и самые необходимые вещи, которые погрузим на мулов. Вчера прибыли двое лам с шестью лошадьми — присоединяются к нашему большому каравану в Тибет, будут нам помогать в пути стеречь животных. Таким образом, с сегодняшнего дня в караване числится 29 человек и 101 вьючное и верховое животное; кроме того, имеется 16 баранов и две собаки. Выходим завтра в 5ч. 30м. утра.

13/IX. Неожиданная атака. Мирные переговоры.

По течению Нейчжи-гола оказались монгольские айлы; в ближайших из них имеется 7-8 юрт и большие стада, преимущественно овец. Е.И. еще издали слышала лай собак, пока, наконец, мы не увидели в долине юрты и стада. Проехав их и спустившись с возвышенности в песчаную долину, мы увидели впереди сомкнутую группу всадников, появившихся из-за противоположной возвышенности. Впрочем, предоставляю об этом моменте подробнее рассказать начальнику охраны нашей Миссии Н.В., как человеку военному: «Вдруг из-за холма впереди показывается сомкнутая группа всадников, которая скрывается за следующим холмом. Проводник останавливается и кричит Ю.Н. по-монгольски: «Голоки, разбойники». Показывая знаками, чтобы все следовали за ним, проводник мчится к реке и исчезает за холмом. Несомненно, в этих появившихся и исчезнувших за возвышенностью вооруженных всадниках есть что-то странное. Впечатление складывается вполне определенное, что они пытаются обойти и отрезать нашу конную группу от тыла. Впрочем, расстояние велико, вооружены мы отлично, и времени на разрешение боевой задачи достаточно».

Теперь, когда я совершенно спокойно могу взвесить все происшедшее, должен указать, что благополучному исходу дела мы исключительно обязаны распоряжению посла (Н.К.Рериха — ред.). В первую минуту некоторой растерянности перед неизвестностью послышался его спокойный голос, приказывавший занять частью людей указываемую им возвышенность. Ни один офицер генерального штаба не смог бы лучше разрешить задачу. Ни один боевой офицер не смог бы хладнокровнее распорядиться перед очевидной возможностью боя. Решение сразу обеспечило нам связь с тылом, прикрыло левый фланг и создало прикрытый отход к реке. Нападавших же это ставило под огонь и создавало опасность быть самым отрезанными от путей отхода. Это распоряжение посла, настолько ясное и противнику, и нам, предупредило кровопролитное столкновение, в котором, конечно, мы бы взяли верх, но которое могло повлечь за собой осложнения дипломатического характера по прибытии Миссии в Тибет. Все прошло на удачном маневре, первым моментом которого следует считать появление конной группы противника, наш поворот назад и занятие стрелковой позиции.

Второй момент — это окружение нашими всадниками остановившегося за холмом неприятеля и спешившегося в знак отказа от агрессивных действий. Когда я подъехал к противнику, картина приняла

мирный характер. Оказалось, что это были или монголы, или панаги, вооруженные рогатыми ружьями (с козлами-рогатками), принявшие нас будто бы за разбойников. Они сказали это, взвесив, очевидно, преимущество нашего вооружения и сил. Тогда подъехали остальные и вступили в разговор. Воины имели довольно дикий вид, полуобнаженные, с косами и частью выбритыми головами; все, даже очень молодые, курили длинные монгольские трубки. Кроме ружей, была длинная пика, знак объявляемой ими войны, символизирующая здесь военный поход. Из их слов можно было понять, что они знали заблаговременно о нашем продвижении и будто бы, подумав, что мы разбойники, оповестили силы о вооруженном походе. Сегодня должны собраться около шестидесяти их союзников. Отъехав от нас, эти люди подождали наш верблюжий караван и только тогда окончательно взвесили наши силы и, видимо, убедились, что мы действительно идем посольством к Далай-Ламе, как мы им сказали. Обещали продать нам баранов и шерстяных веревок — привезти на остановку. Пику продать отказались, так как это их знак военного похода против неприятеля, и сказали при этом, что копье — их друг.

VI. СНЕГОВЫЕ ХРЕБТЫ ТИБЕТА. ЧАНТАНГ

15/IX. Особенности высот. Похороны ламы. Суеверия. Перевал Ангар-дакчин. Горная болезнь.

Ночь холодная, вода в кувшине замерзла. Ночью приходил медведь, но был отогнан собаками; на снегу вблизи палаток большие следы. Ночью, по словам Г.,* монголы во сне стонали. Встали в бч. утра. У монголов Церинга и Дорджи носовое кровотечение, получили гидрастис — кровоостанавливающее. У некоторых чувство быстрой утомляемости при ходьбе и задышка. У Чимпы головная боль. Вчера монголы съели много мяса яка. В Ладакхе люди хорошо знают, что на высотах нельзя много есть, в особенности мяса, как повышающего кровяное давление, что может вызвать при всех других благоприятных для этого условиях — сердечной слабости и разреженном воздухе высот — кровотечение.

Весь путь на перевалах в Ладакхе отмечается следами крови на снегу. Говорят, что у животных кровотечение начинается раньше, чем у людей; это было бы, вероятно, и с нашими животными, если бы вчера они, благодаря выпавшему снегу, не голодали. В Ладакхе и людей, и

---

* А.А.Голубкин — завхоз экспедиции.

животных воздерживают от еды перед переходом по большим высотам. Высота нашей стоянки не менее 14.000 футов. Наши люди плохо верят тому, что им говорят, в особенности в отношении ограничения еды на высотах; едой и чаем положительно злоупотребляют; упорно стоят на своем суеверии об «угаре» на перевалах, несмотря на все разъяснения, что это не угар, который бывает в юртах, а горная болезнь от разреженного воздуха на высотах, физической работы и переедания, хотя и проявляется во многом так же, как и отравление угаром, т.е. головной болью, сердцебиением и рвотой. Вчерашний снег, гром и, вероятно, смерть ламы и недомогания на стоянке — уже все было приписано тому, что мы убили яка и что монголы готовили нападение на нас, а потому силы природы вмешались в дело против поднятого монголами копья, и это толкование наиболее грамотного из них старшего ламы Малонова.

В 9ч. 30м. утра тело умершего было погружено на лошадь и вывезено его товарищем-ламой в сопровождении другого монгола, который вел лошадь на поводу, к пригорку, где и оставлено на съедение хищным зверям и птицам. Погрузка вещей шла медленно и неохотно, так как большинство монголов, видимо, чувствовали недомогание в более или менее ясной степени после вчерашней трапезы и выкуренных трубок китайского табака, и это на высоте 14.000 футов!

Наконец, в 12ч. 25м. тронулись через песчаную долину к горному проходу через хребет Марко-Поло. И горы, и долина — все в снегу. Утром видели двух больших медведей, доедавших в долине остатки яка. Шли, все время поднимаясь по горному проходу вдоль речки, много раз переходя ее, пока не достигли перевала Ангар-дакчин, названного так по имени близлежащей самой высокой снеговой вершины хребта Марко-Поло или хребта Ангар-дакчин. Высота перевала 15.300 футов. В долину спустились футов на 400, где и остановились у скудной травы и ручья в 5ч. 30м. пополудни. Погода прохладная.

Монголов больше не видели, но наши люди говорят, что они, по всей вероятности, собирались напасть на нас, и только вид желтого далай-ламского флага на грузе удержал их. Караван страдает от горной болезни, главным образом монголы чувствуют одышку, сердцебиение и головную боль — розданы медикаменты. Чимпа чувствует себя сегодня вечером особенно плохо — сильная одышка и сердечная слабость; возникли даже опасения за его жизнь, как он перенесет высоты.

*20/IX. Волки в горах. Заболевания в караване.
Однообразие ландшафта. Гадание на бараньей лопатке.*

Ночь холодная; с вечера и до 1ч. ночи дул порывистый холодный ветер. Всю ночь до утра на горах бродили и грызлись волки. Встали в 3ч. ночи. Вышли в 7ч. 35м. утра по направлению хребта Думбуре с многочисленными и высокими снежными вершинами, напоминающими пирамиды.

Дорога все время шла по песчаной холмистой местности, пересеченной двумя речками, со скудной травой. В 12ч. 20м. дня остановились у небольшой, почти высохшей речки. Лама Бухаев чувствует себя сегодня после холодных компрессов, покоя, жаропонижающего и слабительного лучше. Чимпа, видимо, ни ночью, ни рано утром не курил, так как пульс вполне удовлетворителен.

Н.К., глубоко всем интересующийся, сегодня спрашивал меня о зависимости доз медикаментов от высоты местности и климата. Зависимость эта для большинства внутренних средств несомненно существует; на эту разницу дозировки в низинах и на высотах, в жарком, умеренном и холодном климатах следовало бы обратить внимание в соответствующих дисциплинах. Разница между Турфаном (ниже на 960 футов уровня моря) и перевалом Каракорум (высота 18.900 футов) должна, несомненно, сказаться. В караване прибавляется количество больных животных с набитыми или стертymi спинами — сегодня шло двенадцать негруженых мулов и лошадей. 16 сентября прикупили у ламы, присоединившегося к нам, четырех лошадей — одну за сорок пять янчан, остальных по тридцати пяти. Только что пройденный нами сегодня путь довольно однообразен, и у Н.К. невольно напрашивается сравнение его с красотами пути по Каракоруму. К вечеру монголы производили гадание на бараньей лопатке с самыми благоприятными результатами. Н.К. опасается, что теперь они замедлят окончательно темп своей работы, уверенные в успехе пути.

*21/IX. Подход к Думбуре. Полное безлюдье Чантанга. Топь.
Переход реки Улан-мурен. Гейзер с белой скалой.
Особенности Чантанга.*

Ночь холодная; песчаная почва покрыта инеем, речка затянута тонким слоем льда, который лижут собаки, желая пить. Встали, как всегда, в 3ч. ночи. Люди медленно поднимаются, долго пьют чай и только

в 6ч. утра начинают грузить животных. В 6ч. 50м. взошло солнце, небо ясно и обещает солнечный теплый день. В 7ч. выступили далее по нагорью Чантанг, ближе к Думбуре, по песчаной почве, покрытой редкой травой. Чантанг во многих местах — прекрасное пастбище с обилием небольших речек или дождевых и снеговых озер; однако животных здесь не видно, и только ближе к хребтам гор встречаются одинокие куланы и яки; последние обычно группами, иногда очень большими.

Сегодня на огромном пастбище за весь переход встретили только двух мелких птичек — трясогузок и ближе к горам Думбуре видели двух куланов. В горах мало травы, и то только в горных проходах, где течет речка, и все-таки животные встречаются здесь только в горах или на пастбищах у самых гор. Местность безлюдная — годами здесь никто не проезжает, так как идем мы без дороги, необычным путем. Медведи, рыси и леопарды водятся в горах, а от волков легче спастись животным на равнине. Тем не менее, при обилии животных в горах, эти пастбища нагорья Чантанга пусты. Монголы боятся этих гор и Чантанга, думая, что в них «угар» — «сур», называемый тибетцами «са-ду», о чем не раз уже упоминалось выше. Пожалуй, они отчасти и правы, так как это места, приближенные к охраняемой Братством, Махатмами или Шамбалой, «запретной зоне», и потому газы, применяемые для охраны, вполне могут достигать этих мест, вызывая задышку, головную боль и иногда кровотечение со смертельным исходом. Здесь, как мы убедились, сказывается не только действие высот, как при горной болезни, так как в горах и на высотах более безопасно и лучше чувствуется, чем здесь, на нагорье Чантанга.

Наш проход здесь необычен; сообщено, что мы охраняемы от вредных газов и диких племен. Обычный путь в Тибет лежит западнее, через Тэйджинер на Дечу, и восточнее — от Синина к Бурхон-Буда. По пути встречали сегодня куланы тропы, где они только пробегают нагорье, не останавливаясь на пастьбу, а потому аргал, единственное здесь топливо, редок и в малом количестве. Наши люди сожгли уже все запасные мульи седла на приготовление пищи. Песчаная почва здесь местами настолько тонкая, что при первых шагах лошади проваливаются по брюхо, и это в конце сентября, когда действуют лишь остатки муссонов. Что же бывает в мае, июне и июле — тут должны быть непроходимые песчаные болота, и реки сильно разливаются, что видно по обнаженному теперь их руслу, песчаному, покрытому мелкой галькой или

глинистому. Это делает их совершенно непроходимыми из-за ширины разлива, быстроты течения и вязкости дна.

Идем мы, как упоминалось выше, без дороги; местность холмистая, неровная, пересеченная многочисленными оврагами. Животные наши сильно утомлены. Небо безоблачно, ярко-голубое, и на нем выступают белоснежные высоты Думбуре. Перешли большую реку Ханчок-улан-мурен, теперь обмелевшую, но с несколькими рукавами и тонкой вокруг почвой и дном.

Еще издали, до перехода реки, вдруг заметили с одного из высоких холмов что-то белое, ближе к горам. Было высказано несколько предположений — что это белая палатка, белый камень или снег. Белая палатка могла принадлежать только солдатам тибетского охранного поста; белых камней здесь и в окрестностях совершенно нет; снега тоже нигде не видно, кроме высот. Подъехав ближе, увидели четырехгранную белоснежную высокую скалу со скатом, обращенным к речке, покрытую белым налетом. Противоположный обрывистый, почти отвесный скат обращен к небольшому озеру; другие отвесные скаты — к холмам. Скала эта, расположенная в низине, оказалась около 3 сажень высотой, состоящей, по-видимому, из слабительной соли — сернокислого натрия, так как вкус соли лишь слабо горький, не напоминает сернокислый магний, но возможно, что небольшая примесь солей магния имеется. Вода в озере соленая. На вершине скалы — кратерообразное углубление, наполненное до одной трети прозрачным рассолом, откуда выделяются крупные пузырьки газа. Ниже по течению соленой речки видна запрокинутая рогатая голова яка, провалившегося в соленую топь. Просили П.К. снять два снимка этой местности.

В 12ч. 10м. дня остановились, перейдя небольшую речку ближе к горам, на песчаном склоне, покрытом травой. В 3ч. дня небо покрылось тучами; в 4ч. 30м. вдруг поднялся сильный ветер со снежной крупой, продолжавшийся до 5ч. дня, после чего ветер стих, и вновь выглянуло солнце.

Н.К. замечает, что одышка от разреженного воздуха со всеми другими явлениями горной болезни начинается лишь с 17.000 футов высоты. Ни высота Фалюта в Гималаях, около 14.000 футов, ни высота Соджи в Кашмире, тоже около 14.000 футов, ни другие вершины Каракорумского и начала Куньлуньского хребтов не вызывают тех ощущений, которые мы здесь наблюдали на Чантанге даже на несколько меньшей высоте.

4/Х. Усиление охраны северной границы Тибета. Верхние горячие источники. Живописные средние гейзеры. Моление голоков в Лхасе. Продукты кончаются.

Ночь была умеренно холодная; в палатках замерзла с поверхности вода. Встали в 5ч. утра, утомленные за предшествовавший переход. Люди вставали медленно и неохотно. В 7ч. 30м. все-таки удалось выступить дальше. Дорога шла сначала понижаясь, а затем вверх к небольшому перевалу, где стоят два обо.

По пути к перевалу встретили шестерых хоров верхом с кремневыми ружьями-рогатками. Все они были без головных уборов, с растрепанными волосами, и оказались военным отрядом, едущим в горы Кукушили для образования там охранного поста для ограждения северной границы от предполагаемого появления русских. Один из этих солдат был с пикой. Нас они не спрашивали и не задерживали, видя в нас мирный караван, а может быть, зная о посланном нами письме в Нагчу. После перевала спустились к реке, вблизи которой на возвышенности и по склонам гор мирно паслось около сотни домашних яков. Ростом они менее диких, и рога не так закручены, как у последних; у диких яков рога изогнуты штыкообразно к концу.

Вода реки в этом месте имеет температуру около $+25^{\circ}\text{R}$, так как в нее течет вода из находящихся здесь так называемых верхних горячих ключей — гейзеров. Далее дорога шла по руслу реки, и вода в ней была уже холодная. При переходе через теплую реку увидели троих верховых хоров с рогатыми ружьями; хоры не отвечали на наши вопросы. Лишь в конце каравана подъехали к Г. и спросили его, не русские ли. Он ответил им по-русски, что американец. Спрошенный ими затем один из наших лам ничего не ответил, продолжая вполголоса молитвы. Это оказались местные жители. До 1ч. пополудни ехали вдоль реки по возвышенности, выбираясь из гор, и наконец в 1ч. дня остановились у средних горячих источников на луговине, недалеко от реки.

На возвышенности по другую сторону реки видели три каравана яков, направлявшихся с чаем в Нагчу. В 3ч. дня пошли осматривать гейзеры. Они многочисленны по руслу реки. Один из них вблизи чрезвычайно живописных древних скал на берегу образует на дне реки глубокий бассейн голубовато-зеленоватой теплой воды с крупными пузырьками газов; в бассейне плавают большие рыбы. Немного далее в камнях у самой реки как бы котел кипящей воды. Вода очень горячая, руку можно опустить только на секунду. Бурное кипение происходит от обилия выде-

ляющейся углекислоты с незначительной, едва уловимой примесью сероводорода. Вкус воды минеральный, приятный; вода вполне пригодна в остуженном виде в качестве столовой минеральной воды. Далее вниз по течению по правому берегу идут брызжащие вверх струей воды гейзеры; от всех идет пар, несмотря на сравнительно теплый солнечный день. Сегодня пристал и брошен рыжий мул.

Н.К. задает мне много научных вопросов, на которые пока еще невозможно ответить за неимением подробных исследований. Его внимание останавливает, например, вопрос о содержании в снеге разных высот и географических местностей метеорных осадков, степень минерализации снега и полный химический состав его в разнообразных условиях, в зависимости от самой местности, высоты ее и других условий в природе и в жизни населенных мест.

Аилы хоров группируются вдоль караванной дороги не без основания. В этом году голоки отправились на моление в Лхасу, где ведут себя во время моления очень чинно, но зато при возвращении обратно они вознаграждают воздержание от своих разбойничьих инстинктов многочисленными грабежами. Возвращаются они обычно в девятом тибетском месяце, и мы очень рады, что нам удастся пройти в восьмом тибетском месяце, т.е. на месяц ранее. Положиться на наших людей при серьезной стычке было бы неосновательной иллюзией. Вспоминается, как в один из самых опасных моментов после перевала Нейчжи наш проводник Дзанге-лама явился к Ю.Н. с катагом* в качестве представителя других монголов с заявлением о желании немедленно нас покинуть и вернуться обратно. Ю.Н. нашелся и очень твердо приказал ему немедленно спрятать катаг и неприятием последнего разбил это настроение. За последние дни нас огорчают четверо наших бурятских лам, которые, чем ближе к цели путешествия, тем более становятся неприятными. Продукты наши идут к концу — сахар кончился, чай близок к концу, сидим больше на corned-beef'e, овсяной каше и цампе. Той же цампой пытаемся прикармливать наших верховых лошадей, которые при недостатке хорошей травы ослабели.

*6/X. Опять милицейский пост в урочище Шингди.
Главнокомандующий Востока. Первое наше сомнение о задержке
хора. Падеж животных продолжается.*

Вышли в 6ч. 50 м. утра; погода благоприятная для перехода. День нехолодный, безветренный с утра, небо облачно. Шли вдоль реки по неровной почве на урочище Шингди. По дороге встречались антилопы,

---

* тжд. хадак (монгл.) — приветственный шарф

за которыми гонялись наши собаки, и черные стада домашних яков из редких и немногочисленных здешних айлов. После пройденного невысокого перевала заметили справа у гор топтавшихся на одном месте шестерых хоров. Оказалось, что это были местные жители, милиционеры охранного поста; немного выше находилась их палатка. Только двое из хоров были в высоких белых войлочных шляпах, с мечами, и один, вооруженный рогом антилопы; остальные с непокрытой головой, безоружные и имели на теле черный промасленный тулуп. Лошадей у них не было. Из разговора выяснилось, что они знают о письме, посланном в Нагчу, но со своей стороны они должны послать о нас извещение генералу, который стоит лагерем за сутки впереди. Обещали прибыть к нам на стоянку в Шингди и взять сведения о числе лиц и животных. Хоры — пастушеское дикое племя, детски наивное и добродушное. В 12 ч. 20 м. пополудни прибыли на пастбище у речки в начале урочища Шингди, где и остановились в ожидании хоров. Генерал этот, оказывается, большое лицо в Тибете — «Главкомандующий Востока», т.е. главный начальник пяти уездов округа Хор и округа К'ам. Как мы догадываемся, столь необычное появление на этой дороге такого высокого лица следует отнести опять за счет пресловутого монгольского посольства — бдительность Тибета обращена на Север. Конечно, нам очень приятно встретиться с таким высоким военным лицом Тибета, но единственно одно соображение лишает нас радости, что какие-либо новые «люксо» (обычай) не задержали бы наше продвижение.

Сегодня пристал еще один верблюд и маленький мул. Поражает отсутствие костяков животных на этой большой караванной дороге, которой мы теперь идем. На Каракоруме весь путь усыпан костями. Надо думать, что здесь приставшие животные чаще всего поступают в распоряжение местных жителей, которые, конечно, зорким ястребиным оком следят с вершины за следованием караванов, подражая в этом выющимся над караванами ястребам и мощным воронам. Отвратительно видеть, как большие вороны садятся на спины даже здоровых животных и начинают клевать их. Вновь замечаем, что с приближением к цели путешествия настроение бурят-лам становится от нас все далее, между тем как они должны бы были именно теперь быть особенно заинтересованы в нашем расположении, так как к бурятским ламам именно теперь в Тибете относятся очень подозрительно.

По этому поводу Н.К. замечает: «Двери в рай широко открыты, но нельзя же тащить людей туда за волосы, так как каждый ответствен за

свои проявления мысли и слова. Счастье сознавать, что каждое человеческое слово как скрижаль закона, а не щебетание птицы». В 3ч. 10м. пополудни показались на горизонте двое верховых хоров, которые, однако, проехали дальше лагеря. В 5ч. дня пришли маленькие и взрослые хоры, все без шапок, некоторые с мечами. Один из них, очевидно, хотел блеснуть своей наружностью, так как выкрасил щеки красной краской и надел широкую лисью шапку, из-под которой по щекам свешивались черные локоны.

Жители области К'ам, голубоглазые рослые блондины, менее кокетливы — они носят косу, которую перед битвой обертывают вокруг шеи для защиты от удара по шее мечом. Здесь нет ни двух косичек по вискам, ни локонов, ни военно-практического применения своей косы. Эти хоры обещали нам завтра привести лошадей в обмен на больных и уставших животных. Таким образом, придется завтра потерять день на стоянку. Пристало и брошено в общем семнадцать животных. Многие из оставшихся больны и сильно изнурены. Все хоры, которых до сих пор видели, очень напоминают какой-то сказочный народ — или берендеев, или нибелунгов. Е.И. называет их «человечками» за маленький рост, худенькие согбенные фигурки и маленькие ноги в сказочных сапожках из тибетской шерстяной материи с крестиками. Е.И. наградила приходивших вчера и сегодня хоров изображениями Будды Всепобеждающего с мечом, и они были очень довольны. Чимпа еще жив и как будто чувствует себя временно лучше, а потому хочет ехать до Нагчу — оставаться в Шингди не желает.

*9/X. Тяжелый путь. Застава хоров.
Тяжелый припадок у Ю.Н. Опасное нагорье.*

Утро холодное. Вышли в 6ч. 45м. утра. Предстоит перейти перевал. Почва до перевала болотистая, покрытая кочками и ямами. Подъем на перевал крут и каменист — усеян крупными камнями. Обычно бывает так, что после перевала спускаешься в долину; здесь же оказалось далее высокое нагорье, т.е. новый подъем с массой громадных камней. Перед перевалом увидели приставшего яка, а перед нагорьем — отдыхающий караван яков. Несмотря на значительную высоту, большая часть нагорья оказалась покрытой пастбищами с удовлетворительной по местным условиям щетинистой болотной травой, болотами,

озерами и речками. При самом начале пути по нагорью на нас помчались шестеро безоружных хоров и, возбужденно крича, преградили нам путь; это оказался пост местной милиции. Сопровождавшие нас верхом двое чиновников вовремя подъехали к нам и успокоили хором заявлением, что мы имеем пропуск далее.

По мере продвижения вперед встречали многочисленные стада домашних яков, которые кротко нас пропускали, видимо, привыкшие к виду проезжающих мимо всадников. Настроение яков выражало скорее любопытство, но никак не враждебные чувства; встретили также в одном месте очень большое стадо баранов с длинными плоскими рогами, изогнутыми в сторону, и несколько штук козлят; лошади видны здесь только под всадниками.

Около 3ч. дня при спуске уже в долину, верстах в двух от стоянки генерала, Ю.Н. почувствовал себя дурно и был снят с лошади. Горизонтальное положение не помогло, так как онемение членов и лица, чувство ползания мурашек и сильная задышка продолжались — была горная болезнь. Состояние сердца внушало опасения. После двадцати капель дигиталиса Ю.Н. сразу почувствовал себя лучше, однако чувство онемения верхних конечностей продолжалось и прошло только после растирания кистей рук, особенно онемевших. Через полчаса все симптомы болезни миновали, и Ю.Н. с моей помощью смог сначала немного пройти, а затем и доехать верхом до лагеря.

Остановились в долине верстах в полутора от лагеря генерала. Почти то же, только в менее опасной степени, произошло с ламой Малоновым, вскоре оправившимся после вдыхания *VaporoI'a*, которым приведен был в чувство и Ю.Н. Все устали, всем не до гостей, но пришли жители айлов и осаждают нас своим любопытством. Щеки у женщин сильно и обширно накрашены кровью — у кого свежей, а у других уже почерневшей и впитавшей грязь. Мужчины украшены ожерельями из крупной бирюзы и кораллов, у женщин бирюзой и кораллами расшиты ленты, привешенные к мелко заплетенным косичкам. Принесли молока, но очень дорожатся — маленький глиняный молочничек не отдают менее янчана. К несчастью нашему оказалось, что мы остановились близко от айлов. За последний переход пристали и брошены три верблюда; многие настолько слабы, что пришли и тотчас легли, не едят. Сегодняшнее нагорье было для нас совершенно неожиданно большой высотой, причем дул сильный холодный ветер, дважды покачнувший лошадь Н.К.

*10/Х. Поездка к «Командующему Востоком» Тибета.
Новый припадок Ю.Н. Ставка. Торжественный прием.
Посещение генералом лагеря.*

Ночь холодная; в моей брезентовой палатке днем жарко, ночью замерзает вода. С раннего утра пришли местные хоры; женщины, даже старые, покрашены кровью; мужчины и женщины достаточно развязны и назойливы. Н.К., Ю.Н. и Н.В. поехали в 9ч. утра, в предшествовании американского флага на пике, в ставку генерала для разговоров; я выезжаю позднее в сопровождении ламы Кедуба. Ю.Н., по-видимому, совершенно поправился, но на всякий случай получил перед отъездом строфант. Вчера, кроме Ю.Н. и Малонова, была больна также и Е.И. — ощущалось онемение рук и чувство ползания мурашек; Г. чувствовал одышку, а монгол Кончок, брат Таши, сильную головную боль. Чимпа, хотя и был слаб и остановился в пути, но благополучно доехал в 8ч. 30м. вечера. Вместо приставших животных предполагаем взять пока до Нагчу отсюда яков. Выехал вслед, спустя полчаса, но вскоре, к удивлению своему, увидел как бы ожидавших меня Н.К. и Н.В. на полпути. Оказывается, Ю.Н. вновь почувствовал слабость и невозможность далее ехать верхом, ввиду чего и был оставлен на мое попечение, а Н.К. и Н.В. поехали далее в ставку генерала.

Вскоре к нам приехала в сильном беспокойстве за Ю.Н. и Е.И. в сопровождении П.К., а затем из ставки один из приближенных генерала, которого Ю.Н. раньше встречал в Дарджилинге в Сиккиме. Через полчаса Ю.Н. настолько оправился, что смог продолжать путь на моем Сером в мексиканском, более удобном, чем казачье, седле. Я же и два торгоута сопровождали его, за нами следовали Е.И. и П.К.

Ставка представляла ряд черных ячьей шерсти палаток с дымиющимися аргальными кострами, массами золы за палатками, и среди этих палаток, выставленных в один ряд, виднелось сооружение из пластов земли, внутри которого находилась китайская палатка самого генерала. Мы застали Н.К. и Н.В. уже сидящими в палатке генерала слева на возвышении на шкуре леопарда. Около часа им пришлось, слезши с лошадей, ожидать приема генерала, так как он и его свита, видимо, достойно готовились к приему высоких гостей. Приезд наш в ставку был ранний и, видимо, не совсем ожидаемый для генерала, который уже собирался уехать в К'ам — были уже погружены яки. Пришлось, по-видимому, все вновь установить и украсить для приема палатку, одеть

всем самые торжественные официальные одежды, в которых мы их увидели, и сделать распоряжения относительно угощения. В палатке было устроено четыре сиденья. Прямо против входа сидел генерал, поджав под себя ноги, покрытые покрывалом, на возвышении, на тигровой шкуре. На голове его была надета круглая меховая черная китайская шапка с верхом из красивой узорчатой золотой парчи; на ней спереди, величиной в два или три вершка, золотой аккордж, украшенный пятью крупными рубинами и четырьмя по бокам мелкими, а также крупной бирюзой. Сзади аккорджа в центре шапки помещалось золотое украшение ее, усыпанное бирюзой, жемчугом, мелкими рубинами и хризолитами. Одет он был в желтый шелковый халат, из-под которого виднелся голубой шелковый же халат на тонком меринесе. Перед генералом было возвышение из китайских сундучков, на котором находились письменные принадлежности, серебряные карманные часы и серебряная плевательница, в которую генерал временами плевал, поднося ее ко рту. Это молодой человек 24-х лет, бывший далай-ламский гвардеец, теперь «Командующий Востоком», по рангу выше генерал-губернатора Нагчу. По правую руку генерала на возвышении, покрытом розовато-сиреневым шелковым покрывалом, расписанным или вытканым красивыми крупными цветами и плодами, находилось около дюжины священных изображений в серебряных окладах, в виде древнерусских поставцов, перед которыми горела серебряная лампада. Справа от него на леопардовой шкуре разместились Е.И., Н.К. и Ю.Н. Слева на такой же шкуре — трое высших чиновников в ставке главнокомандующего. Двое из них моложе генерала, третий около пятидесяти или немного более лет. Все в таких же шелковых китайских одеяниях и шапках с украшениями посредине, усыпанными бирюзой и жемчугом. Лишь у старшего по годам был еще спереди на шапке круглой формы золотой знак с крупной бирюзой посредине. Н.В., я и П.К. сидели против генерала на возвышении, покрытом ковром.

Любезно улыбаясь и обнажая белые зубы при поднятии верхней губы, украшенной тонкими черными усами, генерал тотчас же вступил с Ю.Н. в беседу, расспрашивая о подробностях нашего путешествия и задавая вопросы об интересующих его предметах, иногда очень глубокого значения. Тут начался ритуал бесконечного угощения тибетским чаем без сахара, с маслом, солью и содой. Чай предлагался поочередно каждому в китайских фарфоровых чашках, на особых серебряных, очень тонкой и красивой работы, подставках; чашки подавались прикрытыми особыми

серебряными крышками. Надо было немного отпить и возвратить; через некоторое время опять предлагался новый чай, и так более десяти раз в течение трех- или четырехчасовой беседы. Тут же предлагался дастархан, т.е. угощение на двух тарелках. На одной был китайский сахар, финики, монпасье и какие-то посыпанные сахарной пудрой сухие фрукты, которые сначала по виду я принял за винные ягоды (смоквы), но оказалось, что это неизвестные мне китайские фрукты с пятью плоскими косточками. Далее подавался в китайских чашечках рис с сахарным песком. Угощение закончилось, когда принесли в медной чаше угольев, на которые генерал посыпал из мешочка курения и помахал на себя дым ладонью, вдыхая аромат курения. Поочередно все присутствующие окурили себя. Генералу были поднесены в парчовом золотом мешочке большие карманные золотые часы французской работы, усыпанные жемчугом, с эмалью, расписанной цветами, на задней крышке. Воздерживаясь от любопытства, генерал положил подарок, не рассматривая его, перед священными изображениями.

Разговоры с генералом приняли настолько интимно-дружественный характер и были настолько разнообразны, что даже коснулись и глубоких духовных интересов Востока с упоминанием о Шамбале и о письме Махатмы, которое находится при Н.К. и было тут же со знаками глубокого почтения осмотрено присутствовавшими. В дальнейших разговорах попутно выяснилось, что среди задержанных и высылаемых из Тибета через Ладакх находится и вышеупоминавшийся Фильхнер*.

Доброжелательное внимание генерала так возросло, что он заявил о своем желании проводить нас в лагерь и лично облегчить нам неизбежную процедуру таможенного осмотра наших вещей, ибо, как он выразился, было бы неуместно маленькому чину касаться вещей большого человека. Отдано было распоряжение немедленно готовиться к походу и в то же время послано с гонцом тут же изготовленное секретарем письмо к генерал-губернатору в Нагчу. Кроме того, генерал обещал, удостоверившись в нашем высоком положении и глубоких знаниях буддизма, лично написать от себя Далай-Ламе.

И вот произошла поучительная перемена всей обстановки — утром Н.К. и Н.В. были окружены как бы черной стеной столпившихся вокруг них хоров, в ожидании генерала, а теперь при нашем выезде стрельба из небольших пушек, музыка и декоративная обстановка торжественного

---

* В.Филхнер — немецкий исследователь, автор нескольких книг о Северо-Восточном Тибете и Китае.

шествия в сопровождении главнокомандующего и многочисленных чинов разного ранга в парадных одеждах, а впереди большое тибетское знамя — солнце и идущие от него красные лучи на голубом фоне, внизу же на белом фоне какое-то изображение в красных тонах. Итак, впереди везли знамя, за ним ехали солдаты в английской летней форме, в летних шляпах на голове с кокардой справа, среди них музыканты с кавалерийскими трубами и шотландскими рожками, затем многочисленная свита чиновников, потом чины штаба и личные секретари, далее мы и главнокомандующий и, наконец, многочисленная толпа хоров разных должностей — все это скакало сзади нестройной пестрой толпой под звуки военной тибетской музыки. Перед лагерем солдаты и музыканты выстроились слева во фронт и пропустили всех с музыкой, отдавая воинскую честь. Надо отметить, что музыкантов у генерала было больше, чем солдат.

В лагере уже все было приготовлено к приему главнокомандующего и его высших чинов. К центральной палатке Н.К. вела дорожка из белых кошем, и под наметом был приготовлен чай по-тибетски с печеньями, пирожками, пышками, ломтиками плиточного шоколада, сгущенным сладким молоком и прочими здесь редкостями. Гостям были показаны виды Нью-Йорка и разные вещи и фотографии. Задавали много вопросов и очень утомили Ю.Н., чувствовавшего большую слабость. После угощения генерал лично приступил к осмотру некоторых больших сундуков, причем секретари его исполняли канцелярские формальности. Этим он будто бы хотел оказать нам честь, повторяя, что недостойно, если бы вещи высоких людей смотрели маленькие чиновники. Во время этого осмотра Ю.Н. чувствовал большую слабость и с моего совета лег в своей палатке, куда вскоре пришел и главнокомандующий любезно осведомиться о здоровье и проститься до завтра, когда мы переедем ближе к его ставке и он закончит формальности. Он же сообщил, что теперь въезд в Нагчу совершенно воспрещен всем иностранцам, но что нас, высоких гостей Тибета, это запрещение не касается, и вновь подтвердил, что ради нас он пока остается и напишет о нас еще лично Далай-Ламе. На этом мы расстались, обменявшись по-европейски рукопожатиями. Снова нахлынули любопытствующие хоры, которые до этого держались в стороне, мы же поспешили разойтись по своим палаткам, устав за день от всех визитов. Вспоминаю, что генерал называл нам, кроме Фильхнера, и другие фамилии — Матиссена и Плеймира. Один из них будто бы американец.

VII. ЗАДЕРЖАНИЕ В ЧОРТЕН-КАРНО. ЧУ-НАРГЕН

15/X. Тягость морозных ночей. Грифы Тибета. Останки Чимпы.
Н.К. и Ю.Н. у генерала. Ясность назревшего замедления пути.
Генерал о понятии Учителя.

Ночь холодная. У Е.И. болело сердце; из палаток слышны были стоны; мерзнут в легких американских летних палатках, а я и Г. — в брезентовой и кашмирской. От холода у меня бессонница и спазмы дыхания ночью. В палатке Н.К. и Е.И. пол весь отсырел, мокрый — стоим на болоте у реки. Наши верные сторожа-собаки всю ночь грызутся с прибегающими псами. Сегодня Тумбала не видно, куда-то пропал; возможно, что загрызли собаки или волки. Ю.Н. в 10ч. утра поехал говорить с генералом, а через 20 минут прискакал сопровождавший его торгоут Очир с приглашением Н.К. приехать в ставку. Ламы оправдывались в том, что слушали Чимпу, считая его нервой Далай-Ламы, а между тем он оказался лишь слугой какого-то незначительного тибетского чиновника. Приходил лама красной секты, находившийся при Чимпе, проситься на службу в караван, но ему было отказано, так как с ним расчеты все уже ввиду его неповиновения окончены. Служба его Чимпе и помощь в караване, а также его лошадь оплачены.

Сегодня хоронят умершего — разрежут на части, как это принято в Тибете, и разбросают собакам и хищным птицам на съедение. Налетело много больших орлов и грифов разных пород — едят труп Чимпы и терзают павшую лошадь. Грифы — громадные, с голыми головами и шеями, грузно подсакивают, наклонив шеи и опустив головы к земле. Держатся в стороне, когда приближаются собаки, с воронами живут дружно; меж собой дерутся. Орлы серо-коричневого цвета прилетают, вероятно, из любопытства, трупов не касаются, а сидят, огромные, вместе с белоголовыми и белогрудыми такими же большими снежными орлами; людей не боятся, так как здесь животных и птиц, кроме домашних, не убивают. Грифов я наблюдал в четырех шагах от трупа лошади — прилетело шестнадцать штук — одни серо-коричневые меньшего размера, другие огромные серо-пепельного цвета, более, по-видимому, робкие, так как большая часть их сидела в стороне, и лишь один не боялся и клевал при мне вместе с серо-коричневыми. Чимпу, оказывается, разрубал, по установленному обряду, лечивший его в последние дни лама-медик.

После 12ч. дня поднялся сильный и холодный ветер — опять ночью будет холоднее обычного.

В 2ч. дня возвратился Н.К. без Ю.Н., который остался в ставке для дальнейших переговоров о письмах, найденных у наших бурят. Н.К. сообщил, что генерал по-прежнему старается добиться согласия губернаторов Нагчу на наш въезд туда. По рангу своему главнокомандующий мог бы, по его словам, приказать губернаторам, но тогда нам чинили бы в Нагчу разные неприятности. Еще раз им было написано письмо в категорических выражениях, с содержанием которого было предложено ознакомиться Ю.Н. Между прочим, значительными доводами указывалось, что если б по случаю холодной и сырой погоды пострадало здоровье участников Миссии, то это причинило бы непоправимый вред. Генерал, со своей стороны, предлагал или прислать нам несколько черных яковых палаток, или переехать за милю в какой-то монастырь. Но первое нежелательно ввиду возможности заразы и насекомых, а второе могло бы значительно удлинить наши переговоры. В заключение генерал сказал, что просит Н.К. не огорчаться длительностью переговоров, ибо около больших дел должны происходить всегда и большие затруднения. На это Н.К. ему ответил, что это именно так, ибо Владыка Будда был Большой Лев, мы же в наших действиях должны быть, хотя и малыми, но все же львами.

Итак, уже и теперь легенда о нашей Миссии в Тибете растет. Ю.Н. спросил генерала о местонахождении Фильхнера со спутниками, на что генерал ответил, что этих маленьких людей ни он сам, ни присутствующие тут офицеры даже в глаза не видели. Услыхав от нас о чековом обращении в Америке, генерал просил Н.К. показать ему в следующий раз американские чеки. Заболел невралгией Н.В. и сегодня лежит в постели. Некоторые из нас чувствуют одышку — стоим на высоте около 15.000 футов при холодном ветре и морозе ночью, у реки на болотистой почве. Если так будет продолжаться далее, то появятся осложнения нашего пути со стороны заболеваний и, может быть, гибели людей и животных. И так уже у нас выбыла почти четверть животных. Хотя температура Ю.Н. и пришла в норму, он чувствует слабость и проявляет легкую возбудимость, а шестичасовые дискуссии с начальством тибетским и по-тибетски, и по-монгольски, конечно, немало утомляют его. Благодаря заботам Н.К. и Е.И. сегодня к вечеру утеплили мою палатку имевшимся наличием кошем снаружи. Погода сегодня днем еще холоднее, и, вероятно, будет очень холодная ночь. Мимо нас гонят стада

оседланных яков, готовя, видимо, отъезд генерала. Любопытно отметить, что генерал, порицая «красные порядки», подчеркивает отрицание понятия «Учителя». Без этого понятия по Востоку не пройти.

*21/X. Декларация Н.К., переданная майору для посылки в Нагчу.
Отзыв о нас генерала.*

Около 12ч. ночи самочувствие Е.И. было очень тяжелое. Появилась опять сильная сердечная слабость и чувство ползания мурашек и онемение конечностей. Н.К. передал сегодня майору нижеследующую, еще неслыханную для Тибета, декларацию для немедленной пересылки в Нагчу: «Я, Рета-Ригден, являюсь Главой Всемирного Союза Западных Буддистов, основание которому положено в Америке. Ради высокой задачи воссоединения западных и восточных буддистов под высокой рукой Далай-Ламы я, моя супруга, сын и прочий состав Посольства согласились предпринять трудное и опасное путешествие из Америки через океан, пустыни и горы, через зной, стужу и все лишения в Тибет, пройдя более шестнадцати тысяч английских миль. Обдуманно пустились мы в такой опасный путь — мы запаслись тибетским паспортом — письмом к властям Нагчу и письмом к Его Святейшеству Далай-Ламе; оба эти документа были выданы в Урге доверенным доньером лхасского правительства. Во всех странах мира документ, выданный консулом-доньером, обеспечивает свободный въезд в страну. На деле же оказалось, что, несмотря на оповещение о священных целях нашего Посольства, мы насильственно задержаны в самых бесплодных местностях всем известного суровостью и вредностью климата Чантанга. Мы задыхаемся, сердечная деятельность ослаблена, и каждый день и ночь грозит неминуемая катастрофа. Вопрос идет не о простом заболевании, но о жизни или смерти. Доктор, уполномоченный американскими организациями заботиться о здоровье членов Посольства, вынужден был вынести свое заключение об угрожающей нам каждый час опасности.

Вы понимаете, что гибель первого Посольства Западных Буддистов навсегда разделила бы буддийский мир на две несоединимые части, и вы, как буддисты, должны понять все проистекающие отсюда непоправимые последствия. Кроме того, 24 ноября, по европейскому счислению, в Америке состоится буддийский Собор. Если бы к этому сроку за моей подписью не пришло удовлетворительное наше сообщение о возложенных на нас поручениях и о личном приня-

тии Его Святейшеством порученных нам для вручения Ему Грамоты и Ордена Будды Всепобеждающего, то Буддийский Собор вынужден будет принять решение об избрании самостоятельного Далай-Ламы буддистов Запада. Все участники нашего Посольства являются горячими сторонниками объединения под рукой Далай-Ламы Тибета. И мы понимаем, что раздвоение буддийской мощи было бы для Тибета губительным фактом, принимая во внимание великие возможности сильного государства Америки и высокую образованность и мощь лиц, вновь примкнувших к буддизму. А потому всякие нежелательные последствия обособления были бы для нас, как истинных буддистов, чрезвычайно прискорбны.

За время нашего служения идее буддизма мы имели радость участвовать в построении крупного буддийского храма и нескольких чортенов, а в настоящее время по нашему указанию в Америке сооружается первый там буддийский храм, посвященный Шамбале. Сохраняют о нас память как о жертвователях многие буддийские монастыри — Кумбум, Таши-лупо; монастыри в Сиккиме — Гум, Пемайандзе, Санга-Челинг, Далинг, Ташидинг и многие другие. В Ладакхе — Маульбек, Хеми, Спитуг, а также некоторые храмы в Урге, где для пожертвованного мной изображения Владыки Шамбалы будет сооружаться особый храм. Вы, как буддисты, должны знать сроки исполнения древних пророчеств и особое значение настоящего времени. Римпоче из Чумби, благословляя в Талай-Потанге около Дарджилинга написанные по нашему заказу изображения Шамбалы и Будды Всепобеждающего, предугадал успех пути нашего служения Учению. Теперь вместо радостного оповещения об исполнении заветов Благословенного Будды о всемирном распространении Его Учения Истины мы сидим и ожидаем смерти среди вихрей и стужи Чантанга. На прошлое письмо ученого секретаря Посольства, написанное по моему поручению, вы даже не нашли достойным для себя ответить нам письмом. Надеюсь, что теперь, зная мое высокое положение и чрезвычайные обстоятельства дела, вы, как последователи Учения Благословенного Будды, немедленно избавите Посольство от гибели и тем поможете благополучному разрешению столь важного для Тибета и всего буддийского мира вопроса. Мне 53 года, супруге моей 48 лет, моим ближайшим сотрудникам 51 год и 50 лет.

В эти годы и после семимесячного тяжкого пути зимние дни в Чантанге непереносимы. За время пути мы уже потеряли из карава-

на трех спутников и двадцать пять грузовых и верховых животных. Караван теряет все силы, и вы, как буддисты, должны принять немедленные меры. Ввиду крайней опасности создавшегося положения я вынужден был высказать вам даже то, что предназначалось исключительно лишь и непосредственно для слуха Его Святейшества.

Тем самым я возлагаю на вас величайшую ответственность и как на истинных буддистов, и как на высокие местные власти. Наше продвижение в Нагчу не представляет ни военной, ни гражданской опасности для Тибета, тем более, что пребывание в Нагчу даже небуддистов, как мы знаем, сочтено вами приемлемым. Настоящее я отправляю с экстренным гонцом и, ввиду крайней опасности для жизни Посольства и неотложности решения всего дела, жду с обратным срочным гонцом ваше письменное решение. Вы должны понять мои добрые намерения».

От майора узнали сегодня, что генерал писал о наших знаниях законов и обычаев страны и как об исключительных людях, не стреляющих животных и не занимающихся снятием планов и составлением карт.

*23/Х. Даже хоры разъезжаются. Заявление Н.К. майору.
Оригинальное условие передачи подарков. Драка в лагере.*

Ночь холодная. С утра небо покрыто тяжелыми тучами. Через два дня после отъезда генерала снялись милиционеры из Нагчу, стоявшие впереди нашего лагеря по дороге в Нагчу. Сегодня утром снялась палатка, в которой жили охранявшие нас представители местных хоров. Очевидно, и для местных жителей это время года и местность признаются неподходящими для долговременного пребывания. Н.К. сделал сегодня приставленному к нам майору сообщение в нижеследующей форме: «В нашей стране великой Америке даже самые тяжкие преступники получают условия жизни гораздо лучшие, нежели здесь, у вас, доброжелательное буддийское Посольство. Даже тяжким преступникам дается удобная комната и достаточно пищи. Мы же здесь должны насильственно замерзать в пустыне, лишены пищевых припасов. Думаю, что нам клеветнически приписываются какие-то преступные действия, и требую, чтобы нам эти обвинения были предъявлены, ибо не допускаю мысли, чтоб мирные и уважаемые люди были третируемы так бесчеловечно. Пожилые люди, женщины и ребенок обречены в лучшем случае на непоправимую потерю своего здоровья

или жизни. Прошу ответить, за какие преступления применяется к нам такое бесчеловечное отношение? Еще Благословенный сказал: «Да живет все живущее!» Происходящее тем несправедливее, что в своем караване мы везли груз, принадлежащий Его Святейшеству».

Пришедший майор сообщил, что он совершенно с нами согласен и думает, что виной всему прошедший перед нами Фильхнер со спутниками. Губернаторы пропустили его почти до Нагчу, за что и получили от девашунга суровый выговор ввиду существующего категорического запрета приближения к Нагчу. Для закупки корма для животных он разрешил послать завтра в Нагчу Кончока в сопровождении солдата, причем посоветовал послать губернаторам подарки и в случае непропуска нас далее отобрать их обратно. Таковы здесь обычаи, что подарки даются чиновникам только за исполнение просьбы. Посылаем обоим губернаторам новое письмо: «Из наших двух прошлых писем, вами полученных, вы уже знаете, в каком тяжелом положении находимся и сами мы, и весь наш караван. Со времени отсылки писем наше положение еще ухудшилось и сделалось смертельно опасным. Глубокий снег лишил животных травы, а холод еще более отягчил наше расстроенное здоровье. Из писем вы знаете высокие священные цели нашего прихода для воссоединения Буддизма. А потому вы не можете дать нам погибнуть среди снегов нагорья Чантанга. Особые обстоятельства положения позволяют вам разрешить нам немедленно продвинуться в Нагчу, откуда мы должны снестись и с Лхасой, и с Америкой. Вы поймете, что наше продвижение совершенно необходимо, иначе простечет непоправимый вред».

Здоровье Е.И. сегодня лучше — принимает кактус и бобровую струю. Ввиду переутомления и слабости сердечной деятельности Ю.Н. принимает спермин и дигиталис.

Вечером сделались свидетелями драки, происшедшей между пьяными Кончоком и Цирингом. Пришлось просить письмом майора прислать солдат...

25/Х. Дикие псы. Мороз. Литература о Шамбале.

Ночь была особенно холодная, к утру выпал снег. Лаяли и выли голодные дикие псы. В первый раз они решились совершить нападение на жилую палатку, проникнув к Г. за хранившимся маслом и, несмотря на его

противодействие, успели похитить масло. Одолевают также и вороны — куски мыла, мясо и все, плохо лежащее, делается их добычей, которую они хватают с величайшей наглостью. Н.К. положительно недоумевает, каким заветом Будды разрешено убивать домашних животных — яков и баранов и запрещено убивать даже хищников.

Любопытную новость принес вчера монгол Кончок — грозный майор, который только что обещал наказать пьяницу и безобразника тибетца Кончока, скоропостижно подружился с ним и играет в своей палатке в какую-то тибетскую игру вроде шашек. Да здравствует армия и дисциплина!

Вчера Ю.Н. из разговора с хорами выяснил, что большинство местного населения хор-па принадлежит к древнейшей шаманской религии бон-по, существовавшей задолго до появления учения Будды. Н.К. говорит, что многие странности ламаизма и произошли от народного сочетания темного бон-по с истинным буддизмом. Ю.Н. замечает, что бон-по — религия «левой руки». «Потому особенно не забудем драгоценного сообщения, — просит записать Н.К., — полученного вчера со всеми его глубочайшими следствиями». Итак, утром мы опять под белой пеленой снега, весь горизонт потонул в морозном тумане — высокие вестники радости Тибета помещены губернаторами в холодильник. Не играют ли в это время губернаторы в шашки и не похожи ли их игральные фигуры на человеческие головы? Жестокость, ничем не оправдываемая жестокость! Принесли известие, что оставшийся вчера верблюд издох.

В настоящее время Ю.Н. читает труд Таши-Ламы III-го, который в немецком переводе с тибетским подстрочником проф. А.Грюнведела называется «Путь в Шамбалу» («Der Weg nach Schambala», изд. Баварской Академии в Мюнхене, 1918). По поводу этого труда Н.К. говорит, что «подобные книги надо читать по особой системе, иначе потеряете руководящую нить и очутитесь среди нагромождений как бы случайных географических подробностей, так как в этом труде Таши-Лама свидетельствовал, но вовсе не желал предавать то, что подлежало тайне. Подобного же характера труд настоятеля монастыря Утай-Шань (Китай), где приведено несколько очень реальных путевых подробностей — сама книга называется «Красный путь в Шамбалу». Впрочем, литература о Шамбале очень велика и всегда очень тактична в своем изложении, как и подобает в таком случае». Самое понятие о Шамбале не чуждо слуху и разумению, как известно, многих правительств и даже внушает им искреннее беспокойство.

26/Х. Бессонные ночи. Молитвенные мельницы.

Н.К. говорит, что «опять прекрасно не спали всю ночь». Н.В. продолжает жаловаться на недомогание при нормальной температуре и, несмотря на высоты, просит жаропонижающих. Холода боится и все время сидит в душевой палатке, где при солнце температура бывает иногда от +14° до +22°R. Павшего вчера верблюда терзают дикие собаки и вороны. Грифов уже нет с наступлением холодов. Но зато сегодня прилетел новый гость — голубь. По лагерю толкутся воробьи, значительно красивее европейских. По совету Н.К. вчера поставил с вечера в палатку бидон с кипятком; тепло держалось до 4ч. утра, и не было спазм дыхания. Идея прекрасная для зимнего пребывания в палатке во время пути. Погода два последних дня ясная — молились ли ламы в ближайшем монастыре, или это результат изобретательности наших лам, поставивших за палатками под ветром молитвенную мельницу с надписью на крыльях: «Om, mani, padme hum» по-тибетски. Вчера наши ламы приветствовали хорошую погоду молитвами и курениями.

*28/Х. На 25 человек фунт масла в день.
Письма Далай-Ламе и губернаторам Нагчу.*

Вчера вечером прибыли посланные за продовольствием и кормом для животных. Привезли уксуса, немного сушеных фруктов, свечей и ячменя. Овощей совсем не оказалось. Были во время ярмарки, но все запасы уже кончились. Таким образом, не пропуская нас в Нагчу, губернаторы лишили нас единственной возможности своевременно закупить необходимое продовольствие. Здесь нам приносят фунта по 1,5 масла и немного больше бутылки молока. Муки осталось всего на 5 дней, корма для животных имеется на 4 дня. Холод все сильнее и сильнее. Начинаются простуды, кашель и стоны по ночам. Мы вынуждены вновь и вновь писать губернаторам и в Лхасу.

Н.К. дает текст нового краткого письма губернаторам: «Сегодня 21-й день, как вы нас здесь насильственно задержали. В письмах мы искренне сообщили вам священные задачи нашего буддийского Посольства, надеясь на вашу помощь, но вместо помощи вы обрекаете нас замерзнуть в Чантанге. Здоровье наше уже подорвано; пищи мы достать не можем. После означенного срока голод и холод заставят нас двинуться в Нагчу, где вы в письме вашем обещаете нам почетный прием».

Сегодня в правом сапоге Н.К. оказалось утром несколько пригоршней ячменя. Какие животные успели нанести за ночь это количество ячменя и с какой целью? Около 12ч. дня прибыл майор, которому и сообщено вышепомянутое письмо в Нагчу. Сегодня заготавливаем письмо в Лхасу Далай-Ламе в английском переводе. Содержание его следующее: «Ваше Святейшество! По избранию Буддийского Собора в Америке, я, как Глава Западных Буддистов, принял на себя поручение отправиться во главе первого Посольства Западных Буддистов, чтобы лично передать Вам Грамоту, Орден Будды Всепобеждающего и радостное сообщение о предуказанном пророчествами развитии Учения Благословенного на Западе. Путь от Америки до Тибета занимает около восьми месяцев, охватывая более шестнадцати тысяч английских миль. Пройдя все необычайные трудности этого пути, мы радостно приблизились к внутренней границе Тибета, но здесь вместо радости нас ожидало величайшее разочарование. Точно преступники, несмотря на мое высокое общественное положение, мы были насильственно задержаны властями Нагчу-цзонга. Среди холода наступившей зимы на Чантанге, опасно заболевая, доканчивая наши продовольственные припасы, мы здесь остаемся уже 21 день без всякой надежды на продвижение.

Чистосердечно мы сообщали властям Нагчу-цзонга и приставленному к нам майору задачи и истинное положение нашего Посольства. Прилагаю при сем копии писем к властям, из коих Вы изволите усмотреть все подробности дела, насколько серьезные последствия протекают из нашего несправедливо-насильственного и оскорбительного задержания — кто-то наносит вред первому Буддийскому Посольству. Мы уверены, что не от Вас исходили распоряжения об этом оскорбительном задержании мирного Буддийского Посольства, которому угрожает полная гибель, и также мы уверены, что Вы, как носитель Учения Благословенного, не можете оставить дела, не выслушав моих личных представлений.

Прошу Вас отдать распоряжение о пропуске нас для личных Вам представлений».

Около 6ч. вечера при неожиданном стечении благоприятных условий удалось послать гонца в Нагчу с двумя письмами, одно — к губернаторам, другое, английское, — Далай-Ламе. Удивлялся сегодня великому терпению, спокойствию и выносливости Н.К. во всех наших трудных обстоятельствах. Е.И. тоже спокойна и бодра духом. Смотря на это

спокойствие, начинает казаться, что, может быть, все это так и должно было произойти.

29/Х. Кому нужен современный Тибет? Н.К. о предметах роскоши. Знаки Махатмы. Очередной запрос майору и губернаторам. Дальнейшая гибель каравана.

С утра идет снег, заносающий нас на Чантанге; дикие тибетцы не понимают, что европейцы не могут зимовать в летних палатках. Сами они привыкли к холоду и зною; зимой и летом ходят с непокрытыми всклокоченными длинными волосами на голове. Многие европейцы, проведя ночь на морозе в брезентовой палатке, поплатились бы воспалением легких или плевритом, мы же должны спокойно неопределенное время ожидать в таком положении решения властей, несмотря на то, что имели законный пропуск в Нагчу от доньера. Разве справедливо это и разве это не ловушка и не урок для всех путешественников по Тибету? Нужно ли в дальнейшем эволюционном движении существование среди других народов безответственного замкнутого Тибета? Где же они, заветы Будды, о которых мы знаем из несомненной литературы вопроса? Не есть ли такое состояние Тибета — гримаса отжившей китайщины, в настоящее время неприемлемой?

Говорили сегодня о мировом вопросе — о предметах роскоши. Н.К. замечает, что «эти предметы не только особы для различных частей света и отдельных местностей, но даже совершенно отличны в индивидуальном понимании. Ввиду этого и само это название следовало бы стереть в народном сознании мерами истинного просвещения. Преследование роскоши только тянет к ней ничтожные умы».

Сегодня 22-й день нашей стоянки у Чортен-Карно, и по-прежнему мы не видели ни одного каравана на этом скрещении всех торговых путей. Или торговля ушла на Индию, или...? Сегодня опять грызуны наносили за ночь в левый уже сапог Н.К. целую кучу ячменя, несмотря на то, что меховой сапог был скручен и лежал на стуле. Лама считает это особо добрым знаком.

Из редких рассказов Н.К. о частичных проявлениях Махатм вспоминаю еще сообщение о том, как однажды он в составе семьи сидел в своей рабочей комнате в Лондоне и вдруг заметил, что его младший сын пристально всматривается во что-то сзади него; на это обратили внимание и остальные. Было около 3ч. дня. Н.К. обернулся и увидел уже

удаляющуюся загорелую индусского типа руку, которая первоначально появилась за его головой. Это был один из знаков напоминания спешности действий. Такие же знаки посредством звука струны или колокольчика в воздухе, который слышали несколько присутствовавших при этом лиц, или же посредством пищащей руки на ночном столике Е.И. бывали часто и в Англии, и в Америке, и в Индии.

Н.К. готовит очередной запрос майору и губернаторам: *«Мы осведомлены о тяжком положении каравана на пастбище. Начался падеж животных, и состояние верблюдов угрожает их гибелью. Скажите, кто берет на себя денежную ответственность за целостность животных, за здоровье людей и за прочие убытки? Паспорт, данный нам доньером из Урги, обеспечивал нам, по всемирному положению, вход в страну. Мы шли не самовольно, а потому находимся под защитой международного закона во всех проистекающих по вашей вине тяжелых последствиях».*

В 3ч. дня возвратился Г. и сообщил о бедственном положении каравана; кроме павших вчера верблюда и белого мула, пять верблюдов, пять лошадей и три мула совершенно непригодны для дальнейшего пути и могут вскоре пасть. Все остальные животные сильно исхудали, и из 41 верблюда остаются лишь 16, пока пригодных для пути. Мы не могли своевременно продать животных в Нагчу и тем спасти их от гибели, а себя избавить от убытка. Таким образом, из бывших 95 собственных животных пало 26 и осталось 51, годное для пути; ослабевших и негодных вовсе — 18 голов.

Мы мерзнем, кашляем; у некоторых из нас ноги, как ледяные, и болят целый день. Легко представить себе жизнь на морозе и ночь, и день. К тому же мы не знаем, как долго продлится эта пытка, иначе и назвать нельзя, замораживанием нас на Чантанге. Я уверен, что в Америке и в других культурных странах будет взрыв негодования против тех преступных рук, которые в Тибете препятствуют нашему продвижению, будет ли это сам Далай-Лама или же другие тибетцы. Кто же это охраняет Тибет от всех иностранцев, сами тибетцы или, может быть, кто-то другой?

4/XI. Плохое состояние табуна. О Парацельсе. Керуб.

Нас уверяют, что мы поедем через три дня.

Утром приехал из табуна торгоут Очир и сообщил, что состояние животных неудовлетворительно. Монгол Таши ходил к майору с просьбой

разрешить ему отогнать своих двух верблюдов назад на пастбище в Шингди, но получил отказ ввиду того, что через три дня мы все поедем. Спрашивается, в каком именно направлении майор предполагает, что мы двинемся?

Сегодня во время нашего скромного обеда (китайская лапша и монгольский чай) Н.К. вспомнил об обстоятельствах гибели Парацельса*, убитого на улице из-за угла, и чей-то вопрос по этому поводу, каким образом человек таких больших познаний, как Парацельс, не мог предотвратить своей гибели. «Наивный вопрос, — сказал Н.К., — показывающий, насколько люди не понимают сущности вещей». Затем говорили о неточностях перевода священных книг с древнееврейского текста, причем мне вспомнилось, что слово «керуб», означающее горячий вихрь пустыни, поднимающий столбы крутящегося песка, переведен был понятием херувим (ангел) с огненным мечом, ставший на стражу у Эдема.

Около 2ч. дня к Ю.Н. приходил тибетец Кончок, сообщивший добытые им от гонцов сведения, что письмо к генералу пошло за личной печатью Далай-Ламы и потому не могло быть вскрыто губернаторами. Генералу разрешается, по тем же слухам, пропустить нас в Лхасу и будто бы это разрешение Далай-Ламы должен привезти нам или сам генерал, или один из его полковников-секретарей, и мы будем, таким образом, первыми из европейцев, кому удастся совершенно открыто и с почетом вступить в Лхасу, без угроз оружием и без «притворства».

8/XI. Мороз крепчает. Кошунство лам.

Вторая телеграмма в Америку. Второе письмо Далай-Ламе.

Избиение солдатом хора. Раздражение народа.

Ночь исключительно холодная. Мороз свыше -20°R ; внутри палатки все покрыто инеем. Пишем вторую телеграмму в Америку и второе письмо Далай-Ламе. Н.К. говорит: «Ох, плохо живется гостям милостивого Далай-Ламы XIII-го. Около него, наверное, находится кто-то, преследующий всякие знания, ибо полуграмотных бурят все-таки пропускают, а нам, вероятно, инкриминируется знание Учения Будды. На все приходят свои сроки». В лагере заметно такое раздражение, что ламы позволяют себе уже кошунство, понося наиболее священные свои понятия.

Закончили перевод телеграммы в Америку: «*Более месяца насильственно задержаны на высоте 15.000 футов при сильнейших морозах в летних палатках, занесенные снегом, при недостатке продовольствия. Тибетское правительство не отвечает на письма, игнорируя свои*

---

* Парацельс (Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм) (1493-1541) — врач и естествоиспытатель, один из основателей ятрохимии.

тибетские паспорта. Половина каравана животных уже погибла, остальные погибнут в ближайшие дни. Заболевания членов Миссии и служебного персонала усиливаются в угрожающей степени. Положение катастрофическое. Категорически телеграфируйте Lhasa via India* о пропуске Миссии для исполнения поручений по буддийскому Учению.

Телеграфируйте содержание каблограмм Перси для французского правительства и прессы, Боттомчей для Англии, Кармело для Италии, Уоррену для Японии, Зулоаге для Испании и Веллингтону Ку для Китая».

Сегодня Ю.Н. беседовал с нашими ламами, требующими мяса, но отказывающимися убивать животных и заметивших, что Будда разрешил якобы куланье мясо. Ю.Н. ответил им, что не разрешено мясо ни рыб, ни птиц, ни других животных, а тибетцы сделали для себя обход, сочинив очистительную молитву. Тогда ламы рассмеялись и ничего не могли возразить. Хотят есть мясо и лицемерно соблюсти закон. Послана сегодня третья телеграмма вышеизложенного же содержания сенатору Бора в Америку.

Второе письмо Далай-Ламе: «Ваше Святейшество! Как Буддист и как Глава Чрезвычайной Миссии от Западных Буддистов, считаю своим долгом поставить Вас в известность о продолжающейся гибели Миссии и всего нашего каравана. Как Вы знаете из моего первого письма, мы уже 32 дня задержаны на высоте 15.000 футов при сильнейшем морозе в холодных палатках при недостатке продовольствия. Болезни в лагере усиливаются, и слышны голоса отчаяния, говорящие о смерти. Половина каравана животных уже погибла, и остальной половине грозит гибель в самые ближайшие дни от бескормицы и мороза. Я, как лицо, пользующееся мировой известностью и преданное Учению Благословенного, должен по совести сказать, что умерщвление всей Миссии, шедшей со священными задачами, решительно противоречит заветам Будды. Верю, что Вы, как хранитель основ Учения, не знаете о происходящем. Также верю, что Вы не можете желать гибели мирных послов, охраненных мощным флагом Америки. Вы знаете, что мы, жители Америки, живем в прекрасных удобных помещениях и что даже самые тяжкие преступники не подвергаются у нас условиям жизни в морозном Чантанге. Нам стало известно, что еще недавно была пропущена через Нагчу целая партия малокультурных бурят с Севера. Неужели же наша образованность, и общая, и в предмете Учения Будды, должна не только не помогать, но еще и ухудшать наше положение? Еще ни одна экспедиция не была останов-

---

* через Индию в Лхасу (англ.)

лена так безжалостно и жестоко — ведь в составе нашей Миссии имеются и женщины, а теперь уже половина ноября. Опять верю, что все эти жестокие распоряжения исходят не от Вас, и еще раз прошу Вас лично вникнуть в создавшееся положение и отнестись неотложно и достойно как к мировому моему положению, так и к вопросу жизни и смерти остальных членов Миссии. Через немного еще дней многое уже запоздает. Сказанное мною так же верно, как и то, что под камнем Гума лежит великое пророчество Шамбалы».

Н.К. говорит, что сегодня день больших решений. Удивительно, как даже при самых плохих обстоятельствах он умеет жить будущим и вовсе не мечтой, но действительностью, полной реальности. Во время нашего обеда в 5ч. дня снаружи палатки послышались тяжелые удары и какие-то выкрики. Оказалось, что явившийся от майора солдат избивал большим камнем дежурного десятника и его помощника, и уже лежащего одного из них на земле ударил, несмотря на помощь, с размаху ногой. Избитый лежал лицом к земле, кашлял и отхаркивал кровь. Тут же он был переведен в его палатку, была оказана медицинская помощь, причем несший его хор сказал: «Вот, как девашунг обращается со своим народом!» Причины этой жестокой расправы для нас остались непонятны, но сама она нас всех возмутила, и завтра мы поговорим, как следует, с майором и факта этого не забудем. Из других разговоров и жестов, наблюдаемых мною ранее, я вынес впечатление, что здешний народ боится и ненавидит своих правителей. Во время избиения хоров кто-то в лагере воскликнул: «Проклятый Тибет!» Да, видимо, и теократически-деспотический Тибет уже прогнил и требует обновления.

Недаром Таши-Лама уехал из Тибета, чего еще никогда не бывало! Тяжелая страна, и скверно живется здесь людям! Рассматривал мозг убитого яка — раза в два с половиной менее коровьего, с кулак взрослого человека. Глупые, видимо, животные, но выносливые и здесь незаменимые. «Старайтесь быть незаменимыми», — говорит Н.К.

*9/XI. Усиление за нами надзора. Приговор Тибету.
Пророчество об очищении Лхасы, приведенное в статье Дэвид-
Ниль. Далай-Лама XIII-й и последний.*

Вчера с вечера наш комнатный спиртовой термометр дошел до -19°R и, очевидно, пошел бы ниже, если б далее были деления. Ночью был очень сильный мороз, и во всех палатках не только все замерзло, но и

покрылось густым инеем. Утром сегодня, после долгих поисков лошади (вчера являлся, чтобы идти пешком), гонец повез, наконец, письмо и телеграмму. Только что выяснилось, что в действительности мы не только задержаны, но именно арестованы с воспреещением всякого сношения с внешним миром. Пока еще не знаем, посылают ли наши письма и телеграммы по назначению. Арест наш выяснился следующим образом: вдали тянулась ниточка монгольского каравана из 35 верблюдов; мы послали узнать троих наших монголов, не идет ли это князь из Курлык-бейсе, но наши посланные были немедленно задержаны приставленными десятниками. Итак, больше сообщаться с проезжими нам уже нельзя.

Но сегодня день больших решений, и эта тибетская жестокость вызывает у нас улыбку сожаления вместо естественного в таких случаях возмущения. Н.К. подчеркивает: «На все приходят свои сроки, и все, не входящее более в эволюцию человечества, возвращается к уродливым звериным гримасам. Что значат для всего происходящего заветы Будды? Нам показывают то, в чем мы должны были убедиться своими глазами и ушами. Одно дело остатки истинного Учения, забытые в пыли или еще не съеденные мышами, другое дело — вопиющие «государственность и этнографичность», годные для некоторых паноптикумов. Теперь можно понять отношение к тибетцам со стороны монголов и некоторых других соседей — а вдруг найдется простец истины, который воскликнет: «А ведь царь-то голый!»

В тоне Н.К. слышится уже не осуждение, а приговор. Интересно бы знать, к какому времени относится старое пророчество, указанное в ранее упомянутой статье Дэвид-Ниль, что воины Майтрейи приблизятся к Лхасе, очистят Святой город и установят в нем трон Владыки Правды и Справедливости? Значит, в Лхасе нет пока правды и справедливости, но есть нечистоты. И откуда предания тибетского народа говорят, что существующий ныне Далай-Лама XIII-й и последний?

*13/XI. Устремление Н.К. вперед. Погибшие картины Н.К.
Письма к Далай-Ламе, Хорчичабу и резиденту Сиккима.
Опять майорская волокита и хоры. Майор принят сурово.
Гибель каравана продолжается.*

В ожидании майора сегодня беседовали с Н.К. о различных предметах. Н.К. говорит: «Странно сознавать, что позади нас не может быть никакой опоры; были разные должности и президентства, но они оста-

лись неощутимо позади. Было написано три тысячи картин, но они мне как-то невидимы; были основаны разные учреждения, но они уже живут своей жизнью; были написаны книги — кто-то неведомый их читает; были исполнены ответственные поручения и тоже отошли в туман; были пройдены многие десятки тысяч миль, и они занесены какой-то вьюгой. И только одни задачи будущего растут и полны возможностей преуспевания. Как сказано, якорь преуспевания закидывается лишь вперед». Затем я спросил Н.К. о судьбе многих его картин. Он улыбнулся и сказал: «Я мог бы насчитать вам до сотни, о гибели которых я слышал». Погибла «Ункрада», «Пантократор», «Сошествие во Ад», «Гибель Богатырей», «Поход», «Змей проснулся», «Чаша», «Сестра Беатриса» и многие другие. Кроме того, многие картины совершенно испорчены, в том числе «Роспись моленной», «Славяне». «Вспоминаю, — говорит далее Н.К., — рассказ одного военного, как он, проходя со своей частью во время европейской войны по Польше, видел в одном из замков шесть моих картин, среди них, кажется, «Весну Священную». Но впоследствии при отступлении войск эта часть, проходя мимо, нашла этот замок дотла сожженным. А в конце концов всегда что-либо житейски-комическое — мне принесли однажды картину Рушица с моей фальшивой подписью, а затем картину Вроблевского, но там работа фальсификаторов была хуже, и подпись моя была через «По». Кто же жертвы этих фальсификаций?»

Сегодня заготовляли с Н.К. письма к Далай-Ламе, генералу и резиденту Сиккима. Содержание их приведу далее. В 3ч. дня пришел майор со старшинами хоров, доставившими зерно и масло. В первый раз майор был принят очень сурово — ему было категорически заявлено, что нам надоела вся эта медлительность, сроки прошли, и Миссия наша в Тибете окончилась — мы должны идти через Гиангдзе в Индию для отдыха в тепле и восстановления нашего здоровья. Что мы не привыкли жить в палатках на 30-градусном морозе, все опасно больны, а две трети каравана животных погибли от морозов и бескормицы, и что тибетское правительство миллионами своих нарсангов не оплатит тех убытков, которые потребует с него великая страна Америка за все наши протори* и убытки, которые мы здесь потерпели. Майор заявил, что все это он понимает, делает для нас все возможное и уведомит генерала особым письмом при отсылке наших писем генералу и тибетскому правительству. Подозревая ненадежность канала сообщения через губернаторов, посылаем гонца с письмами к генералу.

---

* издержки

Сегодня пригнали животных с пастбища. Пало еще два верблюда и слегли, не дойдя до стоянки, лошадь и мул. Остальные животные худы и слабы. Наказали майору доставлять нам ежедневно по два мешка корма для лошадей и мулов и особенно предполагаем кормить усиленно два раза в день верховых животных, думая этим сохранить их в силе.

14/XI. Тяжелая болезнь Е.И. Письма Н.К. Далай-Ламе, генералу и британскому резиденту. Телеграмма в Америку. «Западный Далай-Лама». Возмутительное поведение лам.

Второй день болит у Е.И. голова. Сегодня провела ночь очень плохо — головная боль усилилась, и затекли руки и ноги — результат переживаемых резких волнений. Н.К. чувствует себя сегодня несколько лучше. Пал еще один мул, безнадежно лежит лошадь. За ночь снега прибавилось — верблюды умирают на глазах медленной голодной смертью — лошадиного корма есть не могут, да и мало у нас его. Н.К. говорит, что эта ночь была наиболее тяжкой для Е.И. из всех, что он вообще запомнил за 27 лет; всю ночь Е.И. промучилась, не смыкая глаз.

В 12ч. дня явился гонец, с которым и отослали сегодня третье уже письмо Далай-Ламе, телеграмму в Америку, письмо генералу и письмо и телеграмму Бэйли (Bailey). Письмо Далай-Ламе: *«Ваше Святейшество! Благородные намерения нашей Миссии были выражены мной в двух письмах — от 28 октября и 8 ноября с.г., которые, по моим сведениям, были Вам доставлены несвоевременно. Я могу утверждать о несвоевременности доставки этих писем, ибо письмо от 28 октября было нам обратно доставлено, как бы потерянное на дороге, и, по нашим сведениям, было вновь послано в направлении Нагчу 12-го сего ноября.*

За это время гибельное положение Миссии ухудшилось во всех отношениях. Все мы опасно больны; население, несмотря на нашу плату за продукты, не в состоянии их поставлять, и более двух третей каравана животных уже погибло. Эта жестокость противоречит Учению Благословенного Будды. Если бы я мог предполагать подобный оскорбительный прием, я никогда не согласился бы принять уже известное Вам поручение от Западных Буддистов. Теперь правительство Тибета жестоко оскорбило в лице нашей Миссии великую страну Америку и благородные намерения Западных Буддистов. Весть об этом громом пронесется по всему миру, ибо воистину

не было еще Посольства с такими священными целями и готового принести богатство и знания Запада Учению Будды. Теперь, после 40 дней ареста, ибо Миссии запрещено даже разговаривать с проходящими караванами, наше единственное желание — немедленно продвинуться через территорию Тибета в направлении Гиангцзе — Индия, о чем мы уже сообщили лично известному нам британскому резиденту Сиккима Бэйли. Такое ли отношение встречали тибетцы за пределами своей страны? Во всяком случае, тибетское правительство не может бояться девяти западных буддистов, в число которых входят две женщины и один ребенок. Правительство понимает, какую фактическую ответственность оно приняло на себя своими бесчеловечными и оскорбительными действиями, к тому же игнорируя паспорта и письма, выданные Вашим представителем в Урге. В 24-х странах я встретил прием, достойный моего общественного положения. Единственная, 25-я, страна — Тибет — выказала полное бесчеловечие и неуважение к заветам Благословенного Будды».

Телеграмма в Америку: «Номер третий. Надеюсь, Вы уже получили наши две каблогаммы. Истинно, сорок дней задержаны на морозных нагорьях 15.000 футов высоты. Недостаток пищи, топлива и фуража. Две трети животных каравана погибли. Почти все члены Миссии больны. Немедленно телеграфируйте Его Святейшеству Далай-Ламе — Лхаса via India, удостоверяя, что мы американская экспедиция с мирными целями изучения буддизма. Положение критическое. Сообщите дело Новому Синдикату. Переведите десять тысяч рупий в имперский банк Дарджилинга. Надеюсь, Зина и Клод посетят Дарджилинг летом, прежде чем взять итальянскую линию?»

В письме генералу сообщено, что срок 24 ноября для нас уже истек, и теперь наше намерение пройти Тибет в направлении Гиангцзе — Индия. Бэйли же уведомлен о пропуске нас в Индию. Пропустив срок 24 ноября, восточные буддисты своими действиями добились того, что на Западе будет отдельный Глава Буддизма. Последствия всецело ложатся на их ответственность. Получено сведение от майора, добытое им из Нагчу, что из Лхасы выехал гонец с решением по нашему делу. Мы заслушали это равнодушно. Вьюга продолжается. Пала еще одна лошадь. Ввиду тяжести и неопределенности нашего настоящего положения спросили Н.К., часто ли ему приходилось испытывать в путешествиях затрудне-

ния. Н.К. ответил, что даже и пересчитать трудно: «Помню, как на моих глазах исчезла шведская виза, что ставило мою выставку, иначе говоря, меня самого, в критическое положение.

В Лондон после больших хлопот я смог въехать в качестве циркового декоратора, но не в качестве художника, причем двое из моих друзей должны были дать подписку, что я во время моего пребывания не нарушу условий рабочего вопроса. С Америкой, Францией, Италией и Индией вообще не было никаких затруднений. Австрия, несмотря на мое почетное членство в Сецессионе*, вообще отказалась пропустить меня. Впрочем, я и не особенно нуждался в этом въезде. Затем следовал ряд удержаний и запрещений — кашмирские полицейские власти провокационно препятствовали продвижению на Ладакх; затем — задержание в Хотане с угрозой выслать через непроходимый в то время года снежный перевал Сан-жу; затем трудности при выезде из Монголии. Таким образом, каждый шаг нужно было брать с боем, но зато во время «эпидемий виз и колючей проволоки» мы прошли самые трудные в этом отношении места. Здешняя фантастика меня забавляет своей сложностью, где невежество и скелет маньчжуризма умертвили самые драгоценные понятия.

Хотел бы я знать, сколько дней в морозном Чантанге просидел бы Благословенный Будда, а может быть, и вообще был бы отринут за «вредную» деятельность?»

Во время вьюги среди дня голодные верблюды опять возвратились к лагерю, чтобы лечь на своей стоянке, где меньше снега. Голодные и исхудалые, погибающие медленной смертью, на наших глазах они превращаются в скелеты, грозящие восточным «буддистам» за их жестокосердие. День неожиданно кончился возмутительной выходкой ламы Бухаева, а также и двух других лам — Малонова и Ламаджана. Лама Бухаев, молодой человек лет 24-х, присвоил эмалированную чашку. На требование Ю.Н. вернуть ее по принадлежности Бухаев без всяких оснований отказался и начал говорить Ю.Н. дерзости. Присутствовавший тут же П.К. хотел удалить из палатки Ю.Н. ламу Бухаева, не подвергая нападению и ударам последнего. Так могут быть возмутительны ламы. Бухаев получил немедленно расчет и был отправлен с дежурным десятником-хором при записке Ю.Н. по-тибетски к майору, как представителю местной военной власти на распоряжение. Вслед за сим явились двое лам — один — его дядя Малонов, другой — Ламаджан, живший с Бухаевым в одной палатке, и заявили о расчете, поддерживая преступного Бухаева; расчет им был выдан. Как

---

* Сецессион — название объединения художников в Мюнхене (1892), Вене (1897), Берлине (1899), отвергавших академические доктрины, выступивших провозвестниками стиля «модерн».

подлежащие отдельной отправке от каравана, и эти двое лам были направлены к майору. Таким образом, мы понемногу освобождаемся от ленивого или непригодного нам в составе Миссии элемента. К середине дня состояние здоровья Е.И. стало немного лучше — головная боль, причинявшая особенно сильные мучения, несколько уменьшилась.

*15/XI. Снежные заносы. Состязание Аттиши и Миларепа.
Наказание ламы. Заявление Н.К. майору об ответственности
Тибетского правительства.*

На 41-й день сидения нас ожидал сюрприз — ночью выпал глубокий снег, местами по колено, окончательно занесший лагерь гостей Далай-Ламы. Можно себе представить, что творится с животными — верблюды лежат в снегу, прижавшись один к другому, даже не пытаются больше встать. Корма остался один мешок, и явилось предположение, не поддерживать ли нам только одних лошадей, давая им по 1 фунту зерна в день, обрекая тем самым других животных на голодную смерть. Опять посылаем за майором. Н.К. говорит: «Если девашунг останавливает на месте караван, он должен знать, что оно пригодно для пребывания, и тем самым он берет на себя ответственность за предоставление достаточных жизненных условий. Или же девашунг так же соответствует разумному правительству, как шаманский ламаизм отвечает буддизму? Как необходимо отмыть Великий Лик Учителя Будды!»

Всегда вспоминается, как Учитель Аттиша из Индии и Учитель Миларепа из Тибета состязались в своих духовных силах, причем при полном равенстве перевес совершенства все-таки остался за Аттишей, ибо он жил и в то время шел из той страны, где трудился сам Великий Учитель Будда. Травинка погнулась под Миларепой, тогда как под Аттишей она осталась незыблемой! В таком символе древние буддисты подчеркивали значение места зарождения Учения Будды.

В лагере утверждают, что невежественный лама Малонов состоял одним из лам в ленинградском дацане в Старой Деревне против Елагина Острова. Неужели допустимо подобное отрицательное явление в месте, казалось бы, знания, так как дацан мог бы быть рассадником знания буддизма.

Ночью головная боль у Е.И. вдруг исчезла, но зато появились сильные боли в нижней челюсти, которые в свою очередь вскоре прошли, но вдруг болезненно опухли околоушные железы. Часа через два опухоль

желез прошла, но опять возобновилась головная боль. Невольно припоминаются необъяснимые симптомы различных заболеваний, описанных в литературе о Е.П.Блаватской. Н.К. обдумал серию картин — «Земля Будды». Сегодня Ю.Н. с утра посылает письмо майору, сообщая о нашем намерении послать верблюдов в Нагчу для спасения от голодной смерти, и спрашивает, какому взысканию подвергнут Бухаев за его недопустимое поведение.

Около 1ч. дня явился майор в сопровождении солдат и арестованного им ламы Бухаева. Длинные, нудные разговоры о наложении взыскания. Майор предложил, принимая во внимание ламское звание Бухаева, обязать его сделать сто растяжных земных поклонов. Н.К. же настаивал на денежном штрафе в пользу местного монастыря в размере 35 янчан. Последствия увидим. Майор также согласился на отсылку наших верблюдов в Цомра в десяти верстах от Нагчу, где будто бы, по его словам, имеется трава, еще не совсем покрытая снегом. Еще раз категорически разъяснили майору, что тибетское правительство, не давая ответа в течение 41 дня, считая с 6 октября с.г., и оставляя нас в катастрофическом положении, взяло на себя полную как нравственную, так и материальную ответственность за последствия. Правительство ответственно за своих агентов, как за больших, так и малых.

Е.И. сегодня передавала замечательное изречение из восточного сказания: «Чернила ученого так же священны, как кровь мученика». Так вообще смотрят на Востоке на ценность знания!

*17/XI. Череп верблюда. Монголы — «вино азиатских народов».
Монголы помнят о героях. Медицинское заключение.*

Ночью еще нанесло снега; мороз не более -10°C днем. Стоим 43-й день по милости девашунга, т.е. «благословенного правительства» Тибета. Сегодня десятник-хор просил разрешения Ю.Н. взять череп павшего верблюда, полуобглоданный уже собаками. Оказывается, в Тибете череп верблюда употребляется для заклинаний против града и снега официальными заклинателями; стоимость черепа в Лхасе доходит до двадцати нарсангов. Сравнивая интеллект тибетцев и монголов, мы отдаем явное предпочтение последним. Все, что приходилось видеть со стороны монголов, имело какую-то свою обоснованность и целесообразность действий с явным различием врагов от друзей. Недаром великая Монголия давала и великих героев. Народ же, мыслящий о героях, доказывает свою жизнеспособность.

способность. Вивекананда называл монголоидов «вином азиатских народов». И теперь то, что монголы поют песнь о Шамбале, вводя ее в круг современной жизни, показывает их участие в строительстве жизни.

Восемь раз сегодня посылали за майором, который так и не явился. К вечеру приехали из Нагчу двое хоров, сообщивших для нас неприятную новость, что там снег доходит до спины лошади. Около 4ч. дня поднялся сильный буран. Я, как доктор Миссии, должен был сегодня сделать следующее заявление для передачи его майором тибетскому правительству: *«Настоящим удостоверяю, что все члены Буддийской Миссии в составе девяти человек европейцев, задержанные уже более 43-х дней тибетским правительством на высотах местности Чу-нарген около 15.000 футов, в двух днях пути от Нагчу, страдают в настоящее время сильным упадком сердечной деятельности в результате долговременного учащения пульса от 96 до 125 ударов в минуту, а также простудными заболеваниями, что при слабости сердечной деятельности грозит всем членам Миссии гибелью. Ввиду сего я, как доктор Миссии, уполномоченный охранять здоровье ее членов, утверждаю, что дальнейшее пребывание Миссии на высотах Тибета среди зимы губительно. Миссия нуждается в немедленном же восстановлении здоровья в культурных условиях жизни».*

Сегодня ожидали посланных за провиантом в Нагчу обратно, но приехавшие хоры сообщили, что там их не встречали. Н.К. весь день провел в постели. Завтра можно будет выйти на воздух.

20/XI. Вихрь. Агония лошади.

К ночи опять холодный вихрь. Сильный мороз. Вспоминаем, как вчера издыхала одна из лучших наших лошадей. Ослабевшая от голода и стужи, она легла на снег на бок, закинув голову; агония еще не началась, как вокруг нее тесным кольцом уже сидели дикие псы и подлетали более хищные и безжалостные вороны, стараясь вырвать еще живые глаза. Вот следствие поступков тибетских «буддистов».

У Е.И. продолжаются приступы головной боли, несколько ослабевающие после теплого чая. Хоры клятвенно поднимают руки в знак того, что гонец должен сегодня прискакать, они уже видели его будто бы близко, но все правительственное здесь так опаздывает. 2ч. 30м. полудни; мы уже переговорили о многих высоких предметах, а обещанного приезда утром гонца все нет и нет.

*21/XI. Письмо на имя Первого Министра. Сражение с генералами.
Ужас положения тибетских подданных-хоров.*

Ночью сильный мороз; видимо, была наиболее морозная ночь. В палатке Е.И. и Н.К. все заиндевело и чрезвычайно сыро. День морозный и солнечный. Н.К. с утра на солнце. Обещанного гонца так и нет. Н.К. чувствует необходимость принятия каких-то экстренных мер. Ведь даже погонщик лама Ринзин, так называемый «Том-Тит-Тот» из английской сказки, о котором Н.К. сомневается, нет ли у него, как у сказочного Тома, даже хвоста, и тот с верблюдами продвинулся в Цомра — дальше нас. Сегодня Е.И. чувствует себя лучше — нет головной боли и кашель меньше. Вызвали майора и будем настаивать опять послать задержанные письма, но теперь на имя Первого Министра, сопровождая посылку следующим английским письмом: *«Уже сорок шестой день мирная буддийская американская экспедиция, насильственно задержанная, погибает на морозных высотах Чантанга. Далее стоять мы не можем, и единственное наше желание — уйти из негостеприимного Тибета, не пожелавшего даже выслушать Грамоту Западных Буддистов.*

Пусть исполнится пророчество! Сейчас нам необходим лишь выход через Гиангзе на Индию, где мы можем поправить наше потрясенное здоровье. Благоволите в самом спешном порядке указать властям содействовать нашему проходу на Гиангзе, о чем мы уже известили личного нашего знакомого британского резидента Сиккима Бэйли. А также благоволите передать по адресу приложенную корреспонденцию. Ждем Ваших немедленных распоряжений».

Тщетно ждем майора и гонца, а пока вспоминали о бывших сражениях Н.К. с генералами: «Вот, генерал Клейгельс, градоначальник, не разрешил Н.К. открыть выставку картин — за порнографию! Можно себе представить, насколько эта лицемерная нелепость соответствует суровому духу картин Н.К. На ссылке художника на античные статуи в Летнем саду генерал заметил, что там его власть не распространяется. Или другое сражение с генералом Вендорфом, замещавшим градоначальника, запретившим открытие обычной отчетной ученической выставки Школы Общества Поощрения Художеств, где Н.К. был тогда директором, за реалистические подробности этюдов натурного класса. Генерал понес жестокое поражение. Н.К. предложил генералу указать все, что, по мнению последнего, подлежит прикрытию, а затем, на

точном исполнении генеральских указаний, картины и скульптура были изукрашены юбками и панталонами различных цветов. Скандал получился невероятный, и градоначальство должно было капитулировать!»

Когда я смотрю на Н.К. и беседую с ним, то мне ясно представляется, сколько житейских битв им было выиграно. Вспоминаются две строки из его сюиты «Цветы Мории»*: «Волшебником буду сегодня и неудачу в удачу я превращу». Думаем, что майор опять сегодня не придет: или нетрезв, или продолжает ждать, видимо, мифического гонца.

*24/XI. Знаменательный день. Избрание в Америке
Главы Западных Буддистов. Письма Хорчичабу и телеграммы
в Америку и британскому резиденту. Нападение на овец диких собак.*

Сегодня знаменательный день — в Америке происходят глубоко значительные собрания и выборы. Мы же здесь мерзли опять ночью, а утром толковали о возможностях знания, причем Н.К. заметил: «Люблю науку и знания, которые говорят «можно», и пренебрегаю тем, что трусливо шепчет «нельзя». Человеческие возможности поистине неограничены, и цветок истинного знания — поистине жемчужина лотоса». Сегодня 50-й день нашей тибетской пытки. Утром возникали какие-то неясные мысли о ближайшем монастыре, но выяснилось, что помещения без топок, совершенно для нас непригодны, и сам монастырь секты бон-по. Сегодня Е.И. читала из книги «Знаки Агни-Йоги» замечательную легенду о Будде и Майтрейе.

Падеж животных каравана продолжается — ночью пала еще одна лошадь. Сегодня заготовили письмо генералу по-тибетски следующего содержания: «Недавно двое прибывших сюда людей сообщили нам, что Вами получен ответ лхасского правительства. С тех пор прошло много дней, и ответа от Вас пока не имеем, ввиду чего и спрашиваем Вас этим письмом. Американская Миссия Западных Буддистов около двух месяцев находится в Чу-наргене. Вследствие сильных холодов опасно заболели и принуждены были несколько дней провести в постели. Было послано Далай-Ламе два письма, но они были возвращены губернаторами Нагчу, что чрезвычайно оскорбило Начальника Миссии. Вследствие сильных морозов большинство наших мулов и лошадей погибло; верблюды, потеряв силы, не в состоянии нести груз, некоторые слегли уже и издохли. Тем, что Миссия не смогла сначала

---

* Рерих Н.К. Цветы Мории. Берлин, 1921.

продать животных, нами понесен большой убыток. В настоящее время у Начальника Миссии и всех его сотрудников имеется только одно желание — продвинуться на Индию. От проезжающих монголов мы узнали, что монгольское посольство живет в Лхасе в домах, тогда как мы, представители великой страны Америки, принуждены здесь мерзнуть в летних палатках. Если нам не удастся теперь продвинуться в Индию, то могут возникнуть чрезвычайные осложнения. Сегодня в столице Америки собирается Собор Западных Буддистов, на котором избирается Глава Западных Буддистов. Таким образом, поток Учения беспрепятственно потечет на Запад. Да прославится вовек Учение на Западе! В настоящее время у Начальника Миссии нет иной мысли, как только проехать в Индию. Просим довести это до сведения тибетского правительства и оказать нам свое содействие».

Сегодня местный старшина беседовал с Ю.Н. и сообщил, что он не помнит таких холодов и снега, как в этом году. Это, по мнению народа хоров, происходит потому, что «тибетское правительство препятствует высоким целям таких людей, как мы, что оно приняло этим грех на себя. Да и вообще при китайцах народу жилось лучше — не душили так налогами». Спрашивал, не придут ли опять китайские войска с Таши-Ламой обратно. В то же время от него узнали, что отсюда считают десять дней пути мулами до Шигацзе, оттуда же сутки езды до Гиангцзе. Перевалов, по его словам, на этом пути не имеется. Вместе с письмом генералу посылаем две телеграммы, одну — в Америку, другую — британскому резиденту в Сиккиме Бэйли: «Американская буддийская Миссия задержана в течение 50 дней на высотах при сильных морозах. Недостаток пищи и фуража для лошадей. Животные каравана погибли. Пытаемся достичь Сиккима через Шигацзе — Гиангцзе. Телеграфируйте Его Святейшеству Далай-Ламе через британского резидента в Сиккиме полковника Бэйли, спрашивая разрешения пройти через тибетскую территорию в Сикким. Помощь необходима немедленно. Сообщите телеграмму Новому Синдикату».

Полковнику Бэйли: «Надеюсь, получили два наших письма и телеграммы. 50 дней задержаны на высотах при сильных морозах. Недостаток пищи и корма. Животные погибли. Стараемся достичь Сиккима через Шигацзе — Гиангцзе. Просим оказать содействие на получение разрешения прохождения индийской границы».

Вечером принесли в лагерь трех овец, загрызанных дикими псами. Животные еще бились в судорогах с разорванным горлом. К сожалению,

стрелять нам здесь нельзя даже в хищных диких псов, которые в конце концов могут забраться и к нам ночью в палатки, так как бродят стаями и потому смелы. На днях с трудом удалось достать у местных жителей немного невыделанной шерсти для утепления ног и вязки варежек.

25/XI. Однообразие и скудость питания.

Заявление губернаторам Нагчу. Необходимость прохода на Индию. Остальные посольства были приняты в Лхасе.

Стоят сильные морозы. Только к 10ч. утра, когда погуляем на солнце, несколько согреваемся — утром сильно мерзнут лицо, руки и ноги. Мы здесь в гораздо худшем положении, чем полярные путешественники, снабженные всем необходимым продовольствием, одеждой и каютой парохода или избой на берегу. У нас нет круп, нет сахара, мало муки; питаемся только ячьим мясом; молока теперь почти не видим. Утепляемся и крепимся духом, как можем, но положение бедственное, и это на большой высоте, при учащенном пульсе, в снегу и на сильном морозе. Каждый день по утрам мысленно «благодарю» Далай-Ламу за такой вид гостеприимства. Потом можно будет спросить, какое именно посольство замерзло по приказу «милостивого» Далай-Ламы? За внешней стороной всего происходящего чувствуется что-то очень многозначительное — во всяком случае, небывалое.

Сегодня опять вызывали майора для отправки письма генералу. Письма и телеграммы пойдут завтра. В то же время мы и майор отправляем письма губернаторам Нагчу с просьбой о пропуске через Шигацзе, минуя Лхасу. Мысль сопроводить нас до Шигацзе майору будто бы очень понравилась и оживила его, так как, с одной стороны, это освобождает его от пребывания здесь, а с другой — Шигацзе его родина. Этими письмами генералу и губернаторам окончательно утверждается факт отделения западного буддизма от восточного ламаизма. Все силы и все меры были приложены, но восточные ламаисты взяли на себя ответственность за разделение восточного ламаизма от западного буддизма. «Пусть совершится заповеданное пророчествами», — говорит Н.К.

Письмо губернаторам Нагчу: «Посол Западных Буддистов прибыл в Тибет по поводу Учения Будды, имея необходимость личного совещания с Далай-Ламой по вопросу об избрании Владыки Учения на Западе. Тем временем Посольство было задержано в Чу-наргене по

приказу правительства и без пользы провело здесь 50 дней. 24 ноября в Америке Собор Западных Буддистов избрал Владыку Учения на Западе. Потому для Представителя Западных Буддистов в настоящее время прибытие в Лхасу не имеет смысла. Здесь, в Чу-наргене, вследствие холодов мы неоднократно серьезно заболевали, а потому совершенно необходимо продвинуться в сторону Индии. Другого пути в Америку нет, так как в Китай вследствие войны нельзя вернуться. Наши деньги и пищевые продукты приходят к концу. Между тем, деньги можно получить только из банка в Индии. В настоящее время у Посла Западных Буддистов нет иной мысли, как пройти через Шигацзе и Гуангцзе на Индию. Ввиду трудности добывания здесь продовольствия и фуража Миссия направляется в Нагчу для ведения дальнейших переговоров. Губернаторы Нагчу должны оказать нам в этом содействие. Просим содержание настоящего письма довести до сведения тибетского правительства. Мы или открыто и были задержаны».

ДОКТОР К.Н.РЯБЕНИН — УЧАСТНИК ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ РЕРИХА

А.Г.Топчиев

Настойчивые архивные поиски последних лет позволили собрать материалы, раскрывающие жизненные вехи одного из спутников Н.К.Рериха по Центральноазиатской экспедиции 1927-1928 гг. — Константина Николаевича Рябинина, который совмещал ответственные должности врача, секретаря и казначея. Таким образом, от него зависели обстоятельства, решающие успех экспедиции: здоровье ее членов, объективное документирование событий и ведение финансового учета.

К.Н.Рябинин был разносторонне образованным врачом, имеющим большой практический опыт; тонким ценителем и знатоком искусства, истории, религии и философии Востока; человеком, озаренным непрерывным поиском путей добра и справедливости.

Родился Константин Николаевич 15 мая 1877 г. в семье купца второй гильдии Николая Алексеевича Рябинина, женатого на Марии Васильевне Суздальцевой, дочери почетного гражданина г.Мурома Владимирской губернии. Семья Рябининых дает пример любви и постоянной взаимной поддержки

на пути просвещения и добра. Путь этот был тернист. В 1883 г. отец разорился и семья перешла в мещанское сословие, а в 1887 г. Н.А.Рябинин умер. Для Марии Васильевны и четверых её несовершеннолетних детей реальными стали голод и нищета. Помощь пришла от М.А.Щербакова, мужа ее старшей дочери Лидии — владельца небольшой текстильной фабрики в г. Кохма, талантливого изобретателя и художника-графика.

Годы испытаний не сломили семью. Объединившись вокруг матери, руководимые её христианским подвижничеством, дети всеми силами стремились не только к развитию ума и обогащению знаниями, но прежде всего к духовному и нравственному совершенствованию. Окончив в 1897 г. шесть классов Муромского реального училища, Константин Николаевич уезжает в Петербург, где заканчивает зубо врачебную школу и отправляется с профессором Будуговым в Пятигорск. Сознавая необходимость дальнейшего систематического образования, К.Н.Рябинин делает, казалось бы, невероятное: за год сдает экстерном в Тифлисе курс классической гимназии, получает аттестат с отличием и, выдержав конкурсные экзамены, поступает в Военно-Медицинскую академию. При этом он под руководством профессора Будугова совершенствует свои практические знания в области клинических анализов, методов лечебного гипноза, массажа, психотерапии и зубо врачебной практики. Этот плодотворный период связан и с первыми опытами в области тибетской медицины. В дальнейшем Рябинин по совету своих наставников переходит на медицинский факультет Харьковского университета, который заканчивает с отличием в 1909 году, имея в своём арсенале, кроме блестящего и разностороннего медицинского образования, большой опыт практической работы и знание европейских языков.

Два года Рябинин посвящает углубленному изучению психиатрии. Этот период характеризуется переходом врача на новый качественный уровень в области теории и практики бесконтактного энерго-информационного обмена. Он создает уникальные для того времени и поразительные по эффективности методики лечения целого ряда заболеваний. Имя Рябинина становится широко известным в высших аристократических кругах России. К этому периоду относится знакомство Рябинина с семьей графа Сумарокова-Эльстон и молодым Феликсом Юсуповым.

В 1911-1915 годах К.Н.Рябинин вступает на стезю государственной деятельности. Он занимает должности Председателя Городской губернской земской управы г.Могилёва, неперменного члена Вологодской управы, работает в Управлении Главного врачебного инспектора. Имеет чин действительного статского советника, награжден орденами Св. Анны и Станислава.

Все эти годы К.Н.Рябинин поддерживал постоянную связь с семьей Рерихов. С Николаем Константиновичем он познакомился в 1898 г. в Петербурге. Их сблизила общность интересов по изучению мало известных областей человеческого духа. После неожиданного отъезда Рерихов в Финляндию в декабре 1916 г. Рябинин оказывал дружескую поддержку и всестороннюю помощь брату Н.К. Рериха — Борису.

К.Н.Рябинин

Октябрьский переворот, последующие годы разрухи, эпидемий, кровавой братоубийственной войны не оставляют Рябинина в стороне. Позже он напишет: «... я всегда находился на высоте своего врачебного долга». Борьба с двумя эпидемиями холеры, организация здравоохранения, работа по руководству госпитально-больничным отделением комиссариата здравоохранения — таковы вехи его деятельности по защите жизни и здоровья сограждан. Кроме того, Рябинин в качестве судового врача совершил ряд каботажных плаваний на пароходе «Красный профинтерн» (бывш. «Аргунь») с заходом в иностранные европейские порты.

Шли годы, Рябинин по-прежнему трудился на общую пользу и часто вспоминал о Николае Константиновиче и своих беседах с ним.

Когда в 1926 г. Рерихи приехали в Москву, весть об этом дошла до Рябинина, но встреча не состоялась. Тем более неожиданным было приглашение участвовать в составе Трансгималайской экспедиции по беспрецедентному по трудности маршруту, которое Рябинин получил в самом начале

1927 года. В это время он работал врачом портовой лаборатории и карантинной службы. Несмотря на обремененность служебными и личными делами, К.Н. Рябинин собрался в несколько дней. Разрешение на отъезд было выдано ему после неоднократных настойчивых обращений Рериха в правительственные органы.

О том, как проходила Центральноазиатская экспедиция, мы знаем из опубликованных книг Н.К. Рериха «Алтай-Гималаи» и Ю.Н. Рериха «По тропам срединной Азии». К.Н. Рябинин после возвращения из экспедиции создает по материалам своих дневниковых записей монографический труд «Развенчанный Тибет». Объективно и беспристрастно изложенные им новые факты открывают еще один ракурс в оценке значения уникальной экспедиции.

О работе путешественника над книгой знали только наиболее преданные ему люди, а переписанные страницы и воспоминания о прочитанном хранились в памяти друзей и близких родственников как сокровенные знания и пересказывались из поколения в поколение.

Автор мечтал о том, чтобы его труд увидел свет на родине, но был поставлен перед нравственным выбором: трансформировать реальные события и факты, не укладывающиеся в прокрустово ложе партийно-материалистических догматов и поставить на полку еще одну «причесанную» в «лучших» традициях развитого социализма книгу или, рискуя свободой, а может быть, и самой жизнью, остаться верным истине. Рябинин выбрал второй путь. Анализируя причины деградации Тибета, он с позиции собственного опыта государственного деятеля в дореволюционной России и наблюдения деструктивных процессов в послереволюционное время, приходит к выводу о бездуховности как доминанте в ряду прочих факторов, порождающих метастазы одичания, невежества, коррупции, распада экономических и хозяйственных связей государства. Миссия Рериха, несущая высокие идеалы духовности, нравственности и этики, являла собой живой контраст лживости, корысти и невежеству, с которыми экспедиции пришлось столкнуться во время вынужденной зимовки на высокогорном плато Чантанг.

Правители Тибета, находясь под влиянием представителей английских дипломатических кругов и разведки, приняли действенные меры к физическому уничтожению экспедиции. То, что миссия выстояла, находясь на высоте более 15.000 футов в летних палатках при жестоких морозах, когда температура опускалась ниже -40°C , является несомненной заслугой врача экспедиции. Разработанная им методика адаптации неподготовленных к тяжелейшим условиям высокогорья членов экспедиции, среди которых было три женщины, а младшей — Ираиде Богдановой едва исполнилось 14 лет, получила блестящее подтверждение на практике. Никто из участников трагического «стояния» в урочище Нагчу не пострадал. Позже Рябинин изложил основные концептуальные положения новой методики в труде «О жизнедеятелях Востока», который так же, как и рукопись «Развенчанного Тибета», был отправлен в конце 1929 г. в Нью-Йорк, в Музей Н.Рериха. Судьба этой научной работы, к сожалению, неизвестна.

Работая над рукописью, Рябинин со свойственной ему пронизательностью предчувствовал надвигающуюся опасность репрессий. Он прекратил сношения с близкими родственниками и переселился из своей холостяцкой квартиры в клинику.

Рябинин отдавал всего себя работе, ведя замкнутый, монашеский образ жизни, в то время как люди, которым он оставил свою квартиру, уникальную библиотеку, собрание исторических и культурных ценностей, уже строчили на него доносы.

В марте 1930 г. завертелась адская карусель ОГПУ. Страницы протоколов допросов объективно и однозначно свидетельствуют, что в 30-х годах «по требованию высшего руководства» перед органами ОГПУ была поставлена задача дать юридическое обоснование обвинению Рериха в шпионской деятельности и тем самым скомпрометировать его имя и дело перед мировой общественностью. В качестве орудия этого замысла был определен Рябинин.

Спешно фабриковалось «Докторское дело» по обвинению Рябинина в создании «контрреволюционной организации, работающей под флагом изучения буддизма и масонства, фактически имеющая шпионские цели». Материалы этого дела и являются вторым источником данных о деятельности Рябинина в составе экспедиции.

Детальное изучение двухтомного архивного дела показало, что, несмотря на использование всего арсенала средств «жесткого» ведения допросов, постоянных угроз, шантажа и обмана, Рябинин не дрогнул. Он ни одним словом не опорочил своих учителей и товарищей по экспедиции. Организованная ОГПУ кампания по дискредитации академика Рериха и возглавляемой им Миссии в Тибет провалилась.

Протоколы допросов представляют собой удивительные по силе звучания, строгости отображения событий и художественной ценности документы. Сдержанно и достойно рисует Рябинин картину трагической, суровой зимы 1927-1928 гг., описывает свою роль и вклад в общее дело спасения участников Миссии: «Других же я сохранил, поддерживая сердце спермином, дигиталисом, бобровой струей и строфантом, запрещая кофе, алкоголь во всех видах и курение; полезен голод на высотах, полезен валериана. Экспедиция прошла величайшие высоты, например, перевал Гегонг-ля, неизвестный географам, в 20600 футов (более 6000 м — ред.) в Трансгималаях. Я изучил действие высот и знаю теперь, как уберечь людей», — записаны его слова в одном из протоколов допроса.

Поражает мужество и высокий профессионализм этого уже не молодого человека. Во время экспедиции ему было более 50 лет. Он впервые сел на лошадь и, по его словам, был совершенно не подготовлен к трудному путешествию. Тем не менее, после ежедневных утомительных переходов Рябинин находил в себе силы фиксировать в дневнике события дня, тщательно записывать незнакомые географические названия, конспектировать услышанные за день из уст Николая Константиновича и Елены Ивановны сокровенные мысли и собственные наблюдения.

К сожалению, эти дневники, использованные при написании «Развенчанного Тибета» лишь частично и содержавшие, по словам Рябинина, «много такого, разумеется, не политического и не этнографического характера, опубликование чего было бы пока не своевременным», были изъяты при обыске в квартире ученого и до настоящего времени так и не найдены.

Высоко оценивая разносторонне одаренного врача, Рерих видел его в числе ведущих сотрудников будущего научного центра «Урусвати», предлагал Рябину возглавить там исследования в области тибетской медицины. Возможно, судьба Рябинина сложилась бы иначе, если бы он мог представить себя вне родины.

«Дело врача» было передано в Тройку при ОГПУ в Ленинградском военном округе для внесудебного разбирательства. Тройка приговорила Рябинина к пяти годам заключения в Соловецких лагерях с конфискацией оружия и ценностей.

1935 год был ознаменован подписанием Пакта Рериха государствами Американского континента, началось его триумфальное шествие по странам мира. Н.К.Рерих становится фигурой планетарного масштаба. ОГПУ-НКВД вновь получает государственный заказ на поиск компромата в отношении Н.К.Рериха. Для Рябинина это неизбежно означало новые пытки, допросы, унижения и, в конечном итоге, 10 лет Южлага. В 1937 г., так же как и в 1930 г., Рябинин остался верным своим нравственным принципам. Для человека, прошедшего через соловецкие лагеря, знавшего о концентрации энергии зла, достигшей своего апогея к 1937 году, такое решение было равносильно принятию в жертву собственной жизни. Вот фрагмент одного из допросов.

Следователь. Кого вы использовали в СССР для выполнения шпионских заданий по поручению Н.К.Рериха?

К.Н.Рябинин. Я никого не привлекал и сам лично это задание не выполнял.

Следователь. Вы продолжаете скрывать от нас те задания, которые получали от американского разведчика Н.К.Рериха?

К.Н.Рябинин. Я органам НКВД рассказал всё о своей антисоветской преступной деятельности. Других показаний дать не могу.

Доктор Рябинин, находясь в заключении в районе Улан-Удэ, выполняет обязанности врача и продолжает исследования в области тибетской медицины, начатые им еще до Центральноазиатской экспедиции. Результаты его врачебной деятельности чрезвычайно эффективны. Он ставит точный диагноз, слегка касаясь руки и внимательно вглядываясь в зрачки пациента, определяет заболевание по едва заметным признакам, улавливая тончайшие изменения биополя. В основу новых медикаментозных средств, применяемых для воздействия на нервные центры, управляющие эндокринными железами, Рябинин положил по совету Рериха препараты, включающие смолу гималайского кедра, мускус и валериану. Эти препараты и приготовленные на их основе лекарства, известные в Тибете под названием «Поддержатели», «Восстановители» и «Жизнедатели», позволили Рябину разработать целую систему методик, неизвестных современной герантологии, но весьма эффективных. Действие новых лекар-

ственных средств Рябинин проверял прежде всего на себе, а потом уже рекомендовал их своим пациентам. Состояние здоровья самого доктора Рябинина служит лучшей рекомендацией разработанных им методов. В 1947 году после пятнадцати лет, проведенных в тяжелейших, по условиям содержания заключенных, лагерях, Рябинин в возрасте семидесяти с лишним лет был еще полон сил и, лишенный всех прав, кроме права бескорыстно творить добро, работал детским врачом в родном Муроме. Там он и скончался в 1956 (?) году, без гражданских прав и состояния, находясь под надзором органов государственной безопасности.

Вдохновенно прожил свою жизнь этот замечательный человек. Мужественно шел он по тропам сердца Азии и по этапам сталинских лагерей, сохраняя духовную связь с Н.К.Рерихом, верный своему нравственному долгу и высшему назначению.

*Москва,
21.V.1994*